

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЗЕМНЫЕ ПУТИ

Святослав Логинов

Земные пути

«Автор»

1999

Логинов С. В.

Земные пути / С. В. Логинов — «Автор», 1999

Сперва мир был задуман так, что могучие магические силы должны были доставаться только благородным воинам – повелителям мечей и облеченным великим знанием мудрецам. Но так не могло продолжаться бесконечно. Земные пути богов, магов и людей слишком часто пересекались, разбивая в осколки изначальную рациональность мироустройства. Из этих осколков рождались не только бессмертные герои, но и новые великолепные мифоистории, записанные в книгах. В их числе «Земные пути» Святослава Логинова – одного из лучших современных российских фантастов.

© Логинов С. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Святослав Логинов

Земные пути

Глава первая

Повелитель мечей

Тяжёлый, отполированный временем и штанами хозяйский табурет был вынесен на улицу под открытое небо. На табурете, небрежно закинув одну ногу поверх другой, сидел доблестный кёниг Фирн дер Наст. А сам хозяин стоял на коленях неподалёку и, ударяя сцепленными руками в грудь, твердил:

- У меня ничего нет! Клянусь пресветлыми богами, у меня нет совсем ничего!
- Верю... – улыбнулся дер Наст.

Торп даже рот разинул от удивления, услышав такое признание. Но в эту минуту длиннополый чародей Парплеус, стоящий рядом с кёнигом, наклонился вперёд и проницательно возгласил:

- А вот огородник Нежер, спрошенный нами, объявил, что деньги на выплату недоимок – четыре грошена с лишком – ссудил ему ты.

Торп кивнул согласно и робко возразил:

- Но ведь Нежер не вернул мне долг, и теперь у меня ничего нет.
- А ты спрашивал с него?
- Нет, конечно, откуда у огородника такие деньги?
- А у тебя они откуда?
- Продал купцам шкурки двух выдр.
- И тут же кинул деньги огороднику...

Торп вздохнул и чуть заметно пожал плечами, не то признаваясь в собственной расточительной глупости, не то печалуясь, что такой высокоучёный господин, превзошедший премудрости геликософии и дактилономии, не может понять вещей обыденных, очевидных для всякого простака.

- А ещё, – не успокаивался Парплеус, – стало известно, что некая вдова из Маженице также неоднократно получала от тебя деньги.

– На что же мне ещё тратить деньги...

– Значит, они у тебя есть, – обронил слово кёниг.

- Нету!.. – взвыл Торп. – Тогда я охотился на ондатру и продавал шкурки, а нынче – весна, шкурка лезлая и ничего не стоит!

– Сейчас он скажет, что не имеет даже медного кёртлинга на хлеб, – заметил Парплеус.

– Истинно так!

- А что же ты тогда тут жрёшь?! Или ты, как девственная блудница, перебиваешься дарами Нота и Зефира? Не вздумай лгать перед лицом господина и выдумывать небылицы! В деревнях голод, а на болоте весной нет никакой пищи!

– Есть, – смиренно возразил Торп, глядя на обличающий перст геликософа. – Корни аира, ряска, но лучше всего – улитки. Здесь прорва самых лучших улиток, даже на виноградниках Монстреля таких не сразу найдёшь. Улиток надо выдерживать три дня на стружках молодого граба, чтобы у них прочистило нутро, а потом самое время тушить их со щавелем и кресс-салатом. Хорошо ещё добавить латук...

Хитроумный Торп мог долго расписывать прелести своей холостяцкой кухни. Прежде этот приём действовал безотказно. Старый кёниг, брат нынешнего повелителя, немедленно

размякал от подобных речей, соглашался откусать тушёных моллюсков и в результате забывал, что явился в болотистую глухомань не обедать, а карать слишком независимо живущего мужика. Плохо, когда мужик о себе мнит, от этого убавляются силы сеньора. И кто знает, не из-за Торпова ли угощения настолько ослабел Гляс дер Наст, что не заметил, как брат прячет в рукаве нож.

И вот теперь к Торпу явился новый кёниг – худой и жилистый, которого ничуть не соблазняют кухонные рассказы пронырливого мужика.

Торп с причмокиванием закончил последнюю фразу и выжидательно уставился на непрошенных гостей. Дер Наст сидел с невозмутимым видом. Парплеус, не ожидавший от смерда такого красноречия, выглядел озадаченным; заплетённая в косы борода чародея потемнела от пота. Стражник, пришедший на хутор вместе с кёнигом, стоял столбом и был, кажется, озабочен лишь одним – как бы, не шевельнувшись и не привлекая к себе внимания, согнать с носа перебравшего крови комара. Из всех пришельцев жил лишь мальчишка-прислужник, стоявший за плечом у хозяина. Пучком фазаньих перьев он отгонял кровососов от макушки кёнига, не забывая на отмахе облегчать и собственную участь.

– Много слов, – произнёс дер Наст.

– Подозрительно... – поддакнул мудрый Парплеус.

– Проверь, что у него в каморках, – ни к кому особенно не обращаясь, приказал кёниг. Воин радостно сорвался с места и, остервенело терзая свербящий нос, скрылся за домом. Через полминуты он выскочил обратно и торжествующе протрубил:

– Да у него корова есть! Куда-то отогнана, но следы не спрячешь. Корова тут у него!

Торп стукнулся лбом в песок.

– Государь, пощади!.. Я же с голоду без неё умру! Пропаду зазря...

– Тяжело будет, – посочувствовал кёниг. – Ну да как-нибудь на улисточках перебеёшься, не подохнешь. Веди сюда свою корову, а то я тороплюсь.

Торпу для острастки и чтобы под ногами не путался, дали в лоб, и теперь он валялся на земле, с ходу разучившись голосить. Найденную корову обвязали верёвкой за рога и двинулись в обратный путь.

А путь предстоял немалый и непростой – через моховые прорвы, затянутые густым илом, мимо железных ям, где никакое черпало не достигнет дна, вдоль зыбких промоин, окон, дразнящих голубым огоньком, сквозь владения шишиг и кикимор, напролом по зарослям хвоща к сухим королевским борам, где добытчиков ожидали оставленные без присмотра кони.

Слюнявая толстобокая коровёнка, конечно, не могла окупить усилий гордого кёнига, но коровёнка в таких делах и не принималась в расчёт. Важно было прийти и взять дань, иначе в магической защите повелителя мечей появится брешь, и тогда дни повелителя будут сочтены.

Из остальных мужиков налоги выколачивали солдаты, а вот к жилищу Торпа добраться они не могли. А может быть, просто не хотели стараться. Ведь в самом Торпе на грош не было магии, и он не сумел бы отвести глаза охотникам за недоимками.

Проще всего было бы зарезать хама, но дер Наст понимал, что на пожилом месте, да ещё спрыснутом кровью и к тому же в непроходной глуши, непременно заведётся лихо. И что бы ни говорил Парплеус, какие бы волхования ни учреждал, обещая патрону мир и безопасность, лучше держаться от напасти подальше и лихо не будить. А Парплеус – что с него взять? – учёный маг. Говорить умеет складно, а как колдовать – неведомо.

– Полагаю, что с методологической точки зрения нами допущен просчёт, – разливался мудрец, утопая ботфортами в зыбкой глубине. – Нам следовало бы вести на верёвке не корову, а её владельца. С этим мужиком явно нечисто, от него за полмили пахнет ересью.

– Что-то ты взбрел, – не удержался кёниг. – Привык по городам крамолу искать. В лесу ереси не бывает.

– Это как поглядеть, – посмел возразить Парплеус. – Колдовство разлито в мире неравномерно, и точно так же флюктуируют гнусности малефиков. Мир был бы куда разумней и изящней, если бы могучие силы доставались только благородным воинам и убелённым сединами мудрецам. До грехопадения так и было. Но с тех пор в мире много прогнило. Бесы вращают колёса крупорушек, демоны дуют в паруса кораблей, а чёрные кобольды поселились в кузнях. А ведь это места, где редко встретишь благородного человека. Магия в руках черни – отсюда один шаг до самой злой ереси.

– Кое-кто утверждает, – с усмешкой вставил кёниг, – что мельничные колёса вращает вода.

– Ни слова! – вскричал Парплеус, не замечая насмешки. – Ведь это и есть то самое, от чего рушится мир! Ежели нет демонов, то немощны и боги, а значит – не бывать и магам. В том числе и вам, кёниг!

– Ну уж я-то не пропаду, – на этот раз воитель усмехнулся в открытую. – В роду дер Настов все были повелителями мечей.

Многое мог бы возразить Парплеус на эту усмешку, но спорить не стал, памятуя, что покорность сильному – лучшая политика. Лишь промырлыкал примиряюще:

– Однако согласитесь, государь, что самая могучая, исконная магия, способная соперничать с волей богов, скрывается там, где нет людей, куда не успело проникнуть еретическое мастерство. Но хотя мы с вами идём по простому болоту, я не ощущаю потоков сверхъестественной энергии. А это значит, что поблизости затаился еретик, перекрывший энергетические токи.

– Какие ещё токи? – буркнул дер Наст. – Тут стоячее болото, вовек ничего не шелохнётся, не то чтобы течь...

В подтверждение своих слов кёниг топнул сапогом по ненадёжному настилу, прогнившая слегка хрустнула, и магистр Парплеус с невнятным воплем ухнул в трясины.

В первое мгновение дер Наст оторопело взирал на происходящее, затем всплеснул руками и захохотал, раскачивая настил и рискуя сам полететь следом за придворным мудрецом.

Парплеус месил локтями разжиженный мох, хватался за белые корневища жирных растений, сочно лопавшихся под пальцами. Слепой ужас плескался в глазах.

– Государь! Государь!

– Колдуй, магистр, – посоветовал кёниг. – Ты же в трёх университетах учился.

Зажатый трясиной маг уже не взывал о помощи, а только хрипел невнятно. Дышать ему оставалось не больше минуты, но тут в дело вмешался мальчишка, прежде молча стоявший за спиной дер Наста. Он прыгнул с тропы и, прежде чем кочка пушицы успела просесть под его лёгким телом, вновь выскочил на гать и, ухватив за рукав мантии, принялся тянуть Парплеуса из ямы.

Дер Наст недоумённо поджал губы, но вмешиваться и теперь не стал. Конечно, самоуправство наказуемо, но всему должен быть свой срок. В том заключается высшая мудрость, недоступная магистрам и самовольным щенкам.

С мучительным стоном мальчишка выволок грузного мага из болота, но Парплеус, выползая на гать, толкнул своего спасителя, и теперь уже мальчишка шлёпнулся в размешанную, пузырящуюся гнилыми миазмами прорву.

– Ну молодцы! – взорвался смехом кёниг. – Ну, порадовали!.. Вот насмешили! Вам шутами стать – цены бы не было!

От восторга кёниг затопал ногами, гать, не выдержав бесцельного топтания на одном месте, с мокрым хрустом расселась. Конфискованная бурёнка замолотила копытами, руша устеленный хворостом путь, и сползла в воду, сдёрнув следом солдата, никак не ожидавшего такого поворота дела. На ногах удержался один кёниг, а может быть, его уберегла исконная

магия, которой издревна славился род дер Настов. Вопли, хлюпанье жижи и надсадное мычание перекрыли смех кёнига.

– Вы что, уморить меня вздумали?! – рассердился наконец повелитель. – Хватит дурить. Или выползайте на берег, или тоните, чёрт вас подери!

Парплеус, подгребая к животу прогнившие обломки, торопливо отползал от опасного места. Задержаться, чтобы помочь своему недавнему спасителю, не приходило ему в голову. Солдат, которого тяготила железная кираса, а на правую руку оказалась не вовремя намотана верёвка, бился недолго. Ряска сомкнулась над головой, лишь пузыри – болотный газ или последнее дыхание? – указывали его могилу. Корова увязла безнадежно, одна голова с намотанной на рога верёвкой торчала из грязи.

– Ну?.. – поторопил дер Наст слугу. – Тонуть будешь или нет? Мне некогда.

Мальчишка каким-то чудом дотянулся к одному из обломков, притопив его, вырвался из ямы и тоже вполз на остатки дороги. Нога дер Наста произвольно дёрнулась, чтобы столкнуть мальчишку обратно, но кёниг вовремя остановил порыв. Не стоит вмешиваться в решения судьбы. Повелитель мечей должен бить, а добивать – дело слабых. «Падающего – толкни» – это мудрость шакалов.

Больше ничего забавного не ожидалось, и благородный Фирн дер Наст, перешагнув копошащихся слуг, пошёл прочь. Мокрые, перемазанные тиной прихлебатели поспешили за ним. Мычание утопавшей коровы провожало их до самых камышей. Потом всё стихло.

* * *

Торп сидел и, сглатывая копящуюся ненависть, стругом выскребал табурет, осквернённый сидалищем кёнига. Брат нынешнего повелителя тоже был противен живущему на отшибе мужику, но всё-таки он не зорил Торпа окончательно, оставляя возможность выправить хозяйство. А этот... единственную животину забрал. Бабка Мокрида, тётки Лихоманки, оплатите обидчику, пошлите ему за мои слезы водянку с лихорадкой, неизбывную трясучку, падучую болезнь...

Шумный вздох коснулся слуха. Торп поднял голову и увидел корову. Тина облепляла её бока, грязь засыхала корками, трескалась, повисая на шерсти. Раздувшиеся пиявки присосались к тяжелому вымени.

Корова подошла на три шага и остановилась.

– Святая Амрита! – ахнул Торп. – Ушла, ушла от разбойников, умница!

Он бросился к дому за водой и подойником, обмыл изрезанные осокой соски, отодрал впившихся пиявок, принялся за дойку, стараясь не сделать корове больно.

У коровы не было имени, чтобы окрестная нежить не могла приручить её, и воровать по ночам молоко. Торп просто повторял все ласковые слова, какие только мог вспомнить:

– Золотце мое, чудесница, красавица... Как славно, что ты от них ушла! Спасительница ты моя... Ведь, кроме тебя, у меня действительно ничего нет.

* * *

У подножия холма, которым начинался королевский бор, пробивался родничок. Как водится, рассказывали о нём всякие небылицы, хотя ничего особенного там не приключалось. Просто струилась холодная и чистая вода и тут же пропадала в бескрайних пространствах болота.

Здесь кёниг перед походом на Торпов хутор оставил пастись коней. Другому это могло бы дорого обойтись: прошёл мимо ловкий ромей – и сыскивай, где гостят лошади. Но имя

дер Наста гремело далеко за пределами его владений: пошлёт оскорблённый повелитель мечей вдогонку похитителю железную нить – что тогда?

Коней было всего три – Исту лошади не полагалось, он мальчик на побегушках и, значит, должен бегать. Не досталось ему лошади и теперь, хотя один из добытчиков упокоился в гнилых хлябях. Дер Наст просто накинул повод на луку седла, в котором поместился Парплеус, а сам вскочил на своего жеребца. Задерживаться, чтобы едва не утопшие попутчики сумели смыть грязь, кёниг не собирался.

Тропка, постепенно расширяясь и превращаясь в настоящую дорогу, повела их в сторону белокаменного Снегарда – неприступной твердыне дер Настов. Вскоре кёниг и придворный чародей уже могли ехать рядом, хотя, разумеется, Парплеус держался на полшага сзади. Ил на мантии мудреца уже обсох, не смердел, как вначале, и мастер логософии вновь мог поддерживать разумную беседу. А Ист бежал следом, заботясь лишь о том, чтобы не сбиться с ноги.

Не бывает лучше дороги, чем тропа через сосновый лес. Вольнолюбивые сосны перегородили её узловатыми, выпирающими из земли корнями, лишёнными поверху коры, гладкими, как столярная поделка. Но снизу корни живы, и потому никакая порча не касается твёрдой древесины. Лошади осторожно переступают лёгкие поперёк пути пороги и невольно сбавляют шаг. Поэтому совсем нетрудно следовать позади, не страшась, что отстанешь, а потом получишь нахлобучку. Когда лошади скачут по полю – такое случается обязательно. Фирн дер Наст не привык поджидать слуг. Как бы ни мчал конь, прислужник всегда должен быть рядом.

Босые ноги легко ступают по земле, устланной шершавым ковром сухих иголок. Порой хрустнет под загрубевшей пяткой прошлогодняя шишка. Иногда двойная сосновая игла вопьётся в живое место между пальцами и упадёт, не в силах удержаться. Без этого тоже нельзя, а иначе и не почувствуешь, что бежишь босиком. Дивно устроена лесная тропа, славно по ней бежится, и есть время подумать о своём.

Что же всё-таки случилось? Был человек, а теперь нету. И неважно, что был он недобр и глуп, но ведь дышал, смотрел глазами и, наверное, чего-то в жизни хотел. Конечно, дер Наст и Парплеус – маги, у них свои законы, им что человек, что муха – разницы нет. Но ведь это не просто мужик, а обученный воин. Воинское искусство сродни волшебству, не раз случалось, что судьбы колдунов решались оружием.

Ист не жалел погибшего – тот, бывало, щедро одарял безродного мальчугана подзатыльниками, но всё же при виде смерти думалось невесело. Вот Парплеус чувствует себя прекрасно, сразу видно колдуна. А что в болото свалился – так ведь не потонул же... Может быть, в том его колдовство и состояло, чтобы Ист его вытащил.

Ист жил в замке кёнига. Он был сыном служанки, год назад умершей от ледяной горячки. А отцом мальчика мог случиться кто угодно – мать была некогда хороша собой и любила пожить. Сплетники грешили даже на Гляса дер Наста, и эти разговоры сильно портили Исту жизнь. Кёниг не терпел самозваного племянника. Иста спасали только малые лета: недостойно повелителя мечей было бы убивать вовсе уж беззащитного ребёнка. Но уж зато издеваться над слугой кёниг был волен. При каждом удобном случае повелитель отвешивал мальчишке оплеуху, во время пиров в Иста летели объедки, а самым любимым развлечением владыки было метнуть нож, так чтобы он срезал с головы отшатнувшегося слуги прядь волос или рассёк кончик уха. У старых слуг в замке вместо ушей оставались какие-то лохмотья. А вот у Иста по какой-то счастливой случайности уши до сих пор были целы.

– ...такого мнения придерживался преподобный Лисимах, – разглагольствовал Парплеус. – Он был великим криптологом, но держал свои тайны при себе и всего лишь преподавал в университете лептографию. Так вот он рассказывал, что, пока люди жили в раю, любой из них превосходил мощью величайших магов нашего времени. Но потом дьявол соблазнил людей, обещав им познание. Как известно, дьявол всегда держит своё слово, но делает это так, что честность получается хуже обмана. Вместо волшебства дьявол подсунул людям технику, и

люди лишились магии. С тех пор люди и разделились на благородных – сохранивших древнее искусство, и на плебеев, ставших рабами колеса...

– Тепло твой Лисимах, – перебил дер Наст. – Надо же такое придумать: чтобы мужик был искусней повелителя мечей! Вот это настоящая ересь. Головы, которые придумывают такие благоглупости, следует отрубать и выставлять на ярмарке в назидание прочим умникам. Погоди, я ещё разберусь, что у вас за университет и чему там тебя научили...

– Ваша светлость! – возопил Парплеус. – В раю не было мужиков! Сами посудите: кто бы их туда пустил?

– Ах, не было... – смягчился кёниг. – Так-то лучше. А то набрехал невесть что.

– Вы просто не дали мне закончить период, – пожаловался мудрец. – Из моих рассуждений следовало, что простолюдин, отравленный грубым ремеслом, уже как бы и не человек, ибо его духовная сущность умерла. Только познавшие тайны невидимого несут в душе отпечаток божества, а прочие – лишь навоз для благородных сословий.

– Столько слов, чтобы сказать то, что известно и грудному младенцу.

Некоторое время всадники ехали молча, а Ист продолжал бежать следом, но уже не думал о прошлом, потому что почувствовал, что мысли кёнига, совершив замысловатый скачок, обратились к нему. И раз господин молчит, то, значит, жди беды.

Дер Наст не шелохнулся в седле, не коснулся пояса, но откуда-то в его ладони обнаружился крестовый кинжал с двойным лезвием, и в ту же секунду взмах руки послал кинжал в горло Исту. Ист успел отшатнуться, нож звучно врубился в дерево.

– Навоз должен валяться на земле, – заключил кёниг, оборачиваясь. Лицо его изумленно вытянулось. – Ты цел?.. – глупо спросил он.

– Да, повелитель, – признался Ист.

Впервые Фирн дер Наст всерьёз грозил мальчишке, и хотя Ист всё время ожидал чего-то подобного, но всё же был испуган.

– Странно... – раздумчиво молвил сеньор и, помолчав, добавил: – Значит, такое твоё счастье.

– Повелитель, – произнёс Ист, – должен же будет кто-то охранять ваш покой, когда нынешняя дружина состарится.

– Складно врёшь, – проворчал дер Наст, – ну да ладно: жив – значит, жив. Подай сюда нож.

Ист подошёл к сосне, вырвал засевшее в древесине лезвие, протянул дер Насту. Тот, не глядя, принял оружие. Иста колотил запоздалый ужас, а вот кёниг был монументально спокоен, даже когда кинжал ещё был в руках мальчишки. Повелитель мечей отлично чувствует, угрожает ли ему опасность. Иначе быть ему жертвой меча, а не повелителем.

– Взгляни, магистр! – Усмешка раздвинула губы кёнига. – Эта глιστα сумел увернуться от моего броска. Я думаю, ты бы не смог повторить такой подвиг.

– Только не надо проверять! – всполошился Парплеус. – Я мирный человек и не люблю прыгать.

– Не буду, не буду, – успокоил дер Наст. – Но подивись ещё на одно чудо. Это же младенец. У него не руки, а воробьиные лапки, такими и просяное зёрнышко не поднять. Верно, а? И эта крохотуля, заморыш, недомерок, выдернул нож из сырого ствола. Я вбил нож по самую рукоять, а младенец вынул его двумя пальчиками. Я вижу, мне не зря все уши прожужжали про эту тварь. Иди сюда, змеёныш!

Ист попятился, не сводя глаз с кёнига. Поворачиваться и бежать было бы верхом безумия, оставаться и принимать бой – ещё бессмысленней. Дер Наст, сдерживая играющего коня, медленно поднимал руку. Раздвоенный клинок плавился меж пальцев.

Как всегда, нож метнулся из ладони в самый неожиданный момент. Полёт его был неосязатим – лишь визгнул рассекаемый воздух. Ещё никому не удавалось уйти от коронного удара

дер Настов: нож, пущенный дланью повелителя, срубает жертву за полмили, и всё же Ист вновь уклонился от железной молнии. Нож ударил в сосну, расколов её на этот раз на две половинки. Ист нырнул под рухнувший обломок и побежал.

– Стой! – взревел кёниг, подымая на дыбы коня.

Метательный нож, разбив дерево, пролетел дальше и вонзился в столетний ствол соседней сосны. Пробегая, Ист вырвал оружие. Он не собирался защищаться им или нападать, он просто хотел, чтобы дер Наст больше не швырялся в него смертельным железом.

Сзади неровно гремели копыта коня, возбуждённо голосил Парплеус, подпрыгивавший в седле и не решавшийся направить лошадь сквозь заросли болиголова. Под ногами зачавкала вода, строевые сосны сменились выморочными кривыми деревцами. Ист рванулся в самую чашу, надеясь, что боевой конь не проломит там себе дорогу.

Фирн де Наст скакал, уворачиваясь от хлещущих веток. Настоящая боевая злоба овладела им, кёниг видел, что мальчишка не сумеет уйти. Другой человек ушёл бы, и мальчишка ушёл бы от кого угодно, но сейчас вся мощь природного мага была обращена на мечущуюся впереди фигурку, и у мальчишки не оставалось ни единого шанса.

Ист чувствовал, как рвётся из руки кинжал, а дорога вновь пошла в гору, бежать стало просторно и просторно стало догонять. Ист оглянулся. Отставший было кёниг споро настигал его. В отчаянии Ист швырнул навстречу врагу метательный нож. Бывает ли поступок глупее? Повелитель мечей может схватить в воздухе не только нож, но и арбалетную стрелу. Дер Наст вскинул руку в боевой перчатке, но в этот момент словно воздух лопнул перед его лицом, свистящий нож разлетелся на части, так что пальцы кёнига вынули из полёта одну бесполезную рукоятку, украшенную серебром и перламутром, а два тонких лезвия разошлись веером.

Дер Наст подавился гневным рычанием: стальные пластинки срубили ему оба уха, оставив лишь мочки, в одной из которых болталась тяжёлая золотая серьга. Как ни был искусен Фирн дер Наст, сколько ни практиковался в порче ушей своих подданных, такого удара нанести он бы не смог.

Мальчишка взвизгнул, не то от удивления, не то от восторга, и, уже ничем не сдерживаемый, припустил в гору. Кёниг, не обращая внимания на рану, не столько опасную, сколь постыдную, рванулся за беглецом и вдруг полетел через шею коня, впечатавшись теменем в твёрдый сосновый корень. Лошадь попала копытом в нору земляной белки и сломала ногу.

Ударом кулака дер Наст перебил шею бьющемуся на земле коню. Вскочил, словно собираясь пешком догонять беглеца. Но мальчишка уже был безнадежно далеко. Дер Наст заскрежетал зубами и принялся пинать вздрагивающую тушу лошади.

Когда учёный номофелетик Парплеус, осторожно выбирая дорогу меж стволов, подъехал к месту схватки, он узрел, как измазанный кровью корноухий кёниг, сидя на снятом с лошади седле, заунывно и тяжело тянет мрачное проклятие:

– Брат мой, железный змей, брат мой, змей золотой, вы сжимаете землю, вы вращаете небо! Ступайте по следу, ибо там наш враг. Пусть стальными иглами прорастёт его печень, золотыми колючками злые глаза. Пусть он сгниёт, как ржавеет железо, пусть иссохнет, как тянется золото. Пусть стон его будет слышен далеко, а смерть будет мучительна. Вас зову, братья мои, – железный змей Феррон, золотой Аур! Словом дер Наста – повелителя мечей – заклинаю и приказываю!

Парплеус попятился. В университете лишь рассказывали, как умеют волховать исконные маги, а сейчас он видел это своими глазами. Заклинание казалось корявым и нескладным, но жутко звучал голос чародея, и две иглы, которые кёниг держал в руках, вдруг начали извиваться и, выскользнув из пальцев, сверкающими змейками скользнули в мох.

– Вот так, – мрачно заключил кёниг.

Он поднял голову и взглянул на Парплеуса.

– Я привёл вам коня, – быстро произнёс мудрец. – Больше я ничего не знаю и не видел, что здесь было.

– Мне плевать, что ты видел... – огрызнулся кёниг, – а язык лучше проглоти сам, покуда я не укоротил его.

– Я буду нем! – Парплеус вздел к облакам руки. – Клянусь додревним драконом!

* * *

Ист бежал не останавливаясь. Потом, если он уцелеет, будет время поразмыслить над случившимся, удивиться и сделать выводы. А сейчас – спасение в ногах. Колючие ветки вереска хлестали по лицу, кустики голубики царапали босые ноги, хрустел сухой мох, чмокал, схватывая пятку, влажный. Ист бежал.

Остановился он, когда с разгону вылетел на знакомое место. Перед ним лежал убитый конь, мох вокруг был истоптан и забрызган кровью.

Как неосторожно! Он умудрился сделать круг и выбежал на собственный след. Если он будет бегать таким манером, его в два счёта поймают!

Ист развернулся и побежал в сторону. Теперь он уже не мчался сломя голову, а выбирал путь, стремясь уйти подальше. Жаль, кёниг обидел лесовика Торпа, у него можно было бы попросить укрытия. А теперь Торп, конечно, не примет его. Или, наоборот, примет с радостью, если рассказать, что обидчик остался без ушей. Вот только как добраться к хутору? Гать они раскрошили, да её ещё не сразу и найдёшь. Но всё равно, больше деваться некуда.

Ист споткнулся. Перед ним лежал убитый конь. Сытые мухи, не торопясь, кружили над остывающей тушей.

Дрожащей рукой Ист помахал перед лицом, отгоняя наваждение. Не хватало только попасть в руки лесного хозяина. Заведёт, утопит, скормит волкам, а то ещё что похуже сделает. Служанки в замке рассказывали, что в холмах у болота живёт Хийси. А Ист не верил. Страшнее Хийси никого в лесу нет: покоя от него не жди и на пощаду не надейся. Впрочем, рядом с Хийси никто не выживет, а Торп как-то умудряется жить. Значит, врут тётки. Но если там и не Хийси, а просто Колопут или Дикий кур, то всё равно радости немного.

Секунду Ист колебался, а потом поспешил к дороге по собственным, ясно видимым следам. И через пять минут вернулся на знакомую прогалинку.

Так и есть – водит. Вон и мухоморы стоят – шесть штук. Взяли в кольцо и теперь не выпустят. Будут кружить, пока не вернётся злопамятный кёниг. А придёт он, конечно, с собаками, и что будет потом – лучше не загадывать.

– Батюшка Колопут, – взмолился Ист. – Будь таким добреньким, выпусти, а то хозяин вернётся, он меня убьёт.

Тихий смешок раздался позади, но, когда Ист оглянулся, там, конечно же, никого не было.

Шепча бесполезные бабьи заклинания, которые слышал от кухонных девушек, Ист попробовал идти прочь. Ничто не останавливало его, он потихоньку двигался вперёд, но и мухоморы словно ползли следом; выйти из заколдованного круга не удавалось.

– А ведь кёниг, должно, уже собак позвал, – пожаловался Ист в пустоту. – Затравит он меня собаками.

– Не позвал... – протянул кляузный голосок.

Нельзя оглядываться, когда говорит лесовик, но Ист не удержался, повернулся на голос и испуганно вжался в дерево. Совсем рядом, чуть не в двух шагах, по лесу ехал Фирн дер Наст. Голова кёнига была неумело перебинтована обрывком рубахи, на материи расплывались алые пятна. Лицо повелителя было черно; если бы не щедрое кровопускание, которое устроил ему сбежавший паж, повелителя мечей, вероятно, хватил бы удар.

Магистр Парплеус поспешал сзади. На Иста проезжающие не обратили ни малейшего внимания, а может быть, просто не увидели его.

– Водит, стервец, – злобно говорил дер Наст. – Ну да не на того напал. Я тебя отучу шутики шутить.

– Согласно классификации inferнальных сил, – пояснил Парплеус, – ротацизм относится к явлениям природы и не может быть персонифицирован...

– А вот мы сейчас посмотрим... – заявил дер Наст, снимая с перевязи окованный серебром рог.

Звонкий механический звук пронёсся над лесом.

Неведомый шутник злобно взвизгнул, и словно по команде столетняя ель с долгим скрипом повалилась на землю. В последнюю секунду рыцарь увёл коня из-под удара, а то бы лежать и коню, и самому кёнигу с переломанным хребтом.

– Не нравится?! – злобно засмеялся дер Наст. – Ну так, кто бы ты ни был, – прочь с дороги! Здесь повелитель мечей, кёниг Снегарда Фирн дер Наст! Ищи для своих забав сиволапых мужиков!

Дер Наст тронул коня поводьями и удивительно быстро скрылся из глаз.

Ист отлепился от сосны и, с трудом переставляя отнявшиеся ноги, пошёл дальше.

На этот раз его вывело к болоту. Прежде Ист тут не бывал, но сразу догадался, куда его занесло. Не иначе – это Стылая Прорва. Соваться туда – верная гибель. В таком месте – не проплыть, не пройти, ни на брюхе не проползти. Болотный дед караулит опущенные в прорву разбойные клады, прядут тину тонкорукые кикиморы да копошатся лохматые шишиги. Больше там ничего нет. Надоела жизнь – иди.

Всхлипнув, Ист повернул обратно.

Проголина с лошадьёю возникла перед ним по мановению ока, словно и не вдалеке была, а поджидала за ближайшим кустом. Ист сел на кочку, решив умереть здесь, но больше с места не сдвигаться. Болели ноги, горело исколотое лицо. Хотелось плакать.

Где-то вдалеке завыл серебряный рог дер Наста. Ист зябко поёжился и продолжал сидеть.

– Тоже не любишь железной дудки? – спросил сзади знакомый скрипучий голос.

– Это хозяин трубит, – ответил Ист, не оборачиваясь. – Вот поймает он меня, живого на куски распластает.

– Не-е... – возразил невидимый собеседник. – Не поймает. Я тебя раньше съем. Он потом распластает, что останется.

– Зачем тебе меня есть? – спросил Ист. Он изо всех сил прислушивался, но не слышал ни дыхания, ни стука сердца – ни одного из непрерывных шумов, которые выдают присутствие человека. Не было сзади никого – один только голос.

Голос хмыкнул нечленораздельно и ничего не ответил – вероятно, вопрос показался ему неумным.

– Ты же со мной разговариваешь, – произнёс Ист, ни на что особо не надеясь. – Это только кёниг Фирн может сначала улыбаться, а потом зарезать ни с того ни с сего.

– Я тоже могу, – равнодушно сообщил голос.

– Всё равно, не надо меня есть.

– Почему?

– Стыдно. Я ещё не взрослый.

– Детёныши самые вкусные и есть, – поделился соображениями голос. – А трубачу было не стыдно в тебя ножами кидаться? Три сосны испортил.

– Ему можно. Он исконный маг, а маги сродни богам.

– Он не маг, а дурак, – в рифму ответил невидимка. Потом он заворчал и добавил удивлённо: – Ты гляди, какой червяк! Раньше тут таких не ползало.

Здраво рассудив, что ему позволено оглянуться, Ист повернул голову.

На валежине сидел человек. Не какое-нибудь семиглавое чудище при клыках и чешуе, а вполне обычный человек, только голый, грязный и, словно шерстью, заросший диким волосом. В толстых пальцах пружинисто билась золотая нитка. Скручивалась в узел, распрямлялась, пыталась уязвить противника, вонзиться в грубую кожу. Но человек не выпускал золотую пиявицу, хоть и держал руку на отлёте, словно мальчишка, поймавший кусачую жужелицу.

– Это уже второй, – поделился соображениями лохматый. – Но первый был не такой крепкий. Я на него дунул, он ржой рассыпался. А этот держится. Ишь ты, какой кусачий!

– Это золотая нить, – произнёс Ист. – Наверное, кёниг её за мной послал. Ты её не трогай, она отравленная. Спасения от неё нет – сколько ни бегай, а она догонит и вопьётся. Все суставы изгрызёт. Ты её лучше брось, а то и тебе достанется. Это страшное волшебство – золотая нить.

Человек поднёс руку с золотым волосом ко рту, словно собирался проверить на зуб фальшивую монету. Раздался тихий хруст, нить вытянулась тонкой иглой.

– Был червяк, а стал камень, – довольно проворчал лохматый.

Ист круглыми глазами смотрел, как незнакомец походя расправился с самыми ужасными заклинаниями повелителя мечей. Однако всё оказалось не так просто. Брошенная, не одушевлённая больше игла затерялась в белом оленьем мху, но она оставалась смертельно острой и ядовитой. И когда лесной человек поднялся, чтобы вплотную подойти к Исту, он наступил на иглу. В игле больше не было магии, но оставалось искусство волочильщика, изготовившего драгоценную иголку. Искусство не магическое, а ремесленное, страшное и ненавистное всем, познавшим тайны колдовства.

Игла, как и полагается брошенной на землю иголке, вонзилась в ногу.

Скрежещущий вой пронёсся над вершинами. Деревья закачались, иные были выворочены с корнем, словно во время бури. Кричал лесной человек.

Золотая игла торчала из стопы возле подъёма, рядом с выпирающей косточкой. Синюшное пятно отравы растекалось по коже.

– Пусти! – крикнул Ист. – Я умею...

Он вырвал из раны иглу, не глядя отбросил её в сторону, наклонился, собираясь вцепиться зубами в расплывающееся пятно, расширить ранку и высосать хотя бы часть яда... И замер, увидев, что никакой ранки и никакого пятна нет и в помине.

– Это... ты... – Казалось, лесной человек не может сразу найти слова. – Ты же на самом деле хочешь мне помочь!

– Ага. – Больше Ист ничего не смог произнести.

– Но ведь я собираюсь тебя съесть! И там, на тропе, ты тоже помогал просто так. Зачем ты это делал? Даже человеку так неприлично поступать.

– Но я и есть человек.

Лохматый сел на свою валежину. Круглые жёлтые глаза уставились на Иста.

– Ты не человек. Ты – один из нас. Этот, с дудкой, ничто рядом с тобой.

– Кёниг Фирн дер Наст – великий чародей!

– И поэтому ты оторвал ему уши. Ножик разломал я, он ужасно мне надоел. Но осколки полетели, куда хотел ты. – Лохматый встал. – Я, пожалуй, пока не буду тебя есть.

Длинная волосатая рука неожиданно ухватила Иста за плечо. Ист почувствовал, как его подняло в воздух, перевернуло. Когтистые пальцы содрали с него куртку, штаны, разодрали полотняную рубаху.

– Не надо!... – завопил Ист, брыкаясь изо всех сил. – Ты же говорил, что не будешь!..

Иста ещё раз перевернуло и поставило на землю. Он стоял перед лохматым совершенно голый и беззащитный и дрожал, вероятно, от страха, потому что день был тёплым.

– Вот так и надо ходить, – постановил лохматый. – А от этих тряпок – одна хворь. Пошли. Будешь со мной жить.

– А как... вас зовут? – икнул Ист.

– Ишь чего захотел?! – Сухой деревянный хохот разлетелся над лесом. – Имя ему понадобилось! Не скажу! Но если хочешь, – тёмные губы растянулись в улыбке, – можешь звать меня Хийси.

Старухи рассказывали, что Хийси и не человек вовсе, а половинчатая нежить: козы копыта, уши рыси – с кисточками, зубы волчьи, а на лапах когти длинней медвежьих. Сам живёт в берлоге и на семь миль в округе никому жить не позволяет. В сказках Хийси выглядел попроще, путали его с лесным коротышкой Колопутом, который, в отличие от братьев своих – шишиг, любит посмеяться, а настоящего вреда не устраивает. Но и в сказках лесной владыка был собой ужасен, и с человеком бы его никто не спутал.

А тут... шлёпает по бездорожью босыми ногами сутулый мужичонка, разве что голый, как Адам в день сотворения. Так в субботний вечер народ от шинкаря ещё голей разбредается. И росточком Хийси не вышел: с чего это Исту померещилось, будто великан перед ним в пол-сосны ростом?

Дома у Хийси и впрямь не оказалось. Шли-шли сквозь чащобу, потом остановились у старого выворотня, Хийси указал пальцем на тёмную дыру:

– Полезай.

Ист пополз в дыру беспрекословно, как будто от самого кёнига приказ получил.

В пещерке под корнями накренившейся ели оказалось неожиданно сухо. Пахло прелым листом и смолой, чему Ист удивился. Ему не раз приходилось соваться в лесные норы, и он распрекрасно знал, каким смрадом несёт из жилой ямы.

Хийси вполз следом, свернув ноги калачом, уселся напротив Иста, уставился на него немигающими глазами.

«А ну как всё-таки сожрёт?» – мелькнула неуместная мысль.

И, словно подслушав, Хийси спросил:

– Кушать хочешь?

Станный вопрос. Когда это бывало, чтобы мальчик на побегушках не хотел есть? Тем более сегодня – целый день в лесу, а в перемётных сумках у стражника на Истову долю ничего запасено не было. С другой стороны – бес знает, что жрёт Хийси? Может, волчий помёт и ястребиные погадки.

– А что мы есть будем? – осторожно поинтересовался Ист.

В ответ Хийси тонко и необычно засвистел, защёлкал, заскрипел. Но это рождались не просто несвязные звуки. Какие-то слова угадывались среди завывания. Незнакомые, короткие, но почему-то не чужие. Странно было слышать их Исту. Наверное, с таким чувством слушает слова незнакомого, но родного языка человек, выросший на чужбине. И ещё Ист почувствовал, что его неудержимо, против воли, тянет к Хийси, словно лягушонка в пасть золотистому полозу. Пришлось ощутимо напрячься, чтобы не качнуться навстречу поющему хозяину.

У входа раздался шорох, и в пещерку вскочил очумевший бурундук. Он явно ничего не понимал, древнее заклинание тащило его, словно на верёвке.

Волосатая лапа Хийси молниеносно метнулась, пальцы сжались на пискнувшем бурундуке, в следующее мгновение Хийси откусил зверьку голову и громко захрустел косточками.

– Вот так и будем... – сообщил он, проглотив кусок и протягивая Исту огрызок несчастного бурундука. – На вот, пожуй мышку.

– Я не могу... – Ист заслонился руками. – Я такого не ем.

– Тогда давай лошадь есть. Закопаем в мох и станем понемножку кушать. Скоро она закиснет, станет мягкая... Я кислое мясо люблю.

А ведь правду болтали в стряпущей, будто Хийси тухлятину обожает. Палую скотину нарочно в лес оттаскивали, говорили – для Хийси. А Ист думал, что волокут стервозное, чтобы возле домов не воняло. Но теперь, видно, самому выпало испробовать падали. Или сырого бурундука грызть: выбирать, что милее.

– Может, лучше корову? – робко спросил Ист. – Там возле гати корова потонула; если неглубоко, достали бы...

– Корову я вытащил, – неспешно отвечал Хийси, обсасывая последние остаточки добычи. – Корова Торпа, а он правильный человек. Дом у него без гвоздей стоит, выдру он удавкой ловит, а рыбу – мордой. Меня не злит без дела... – Хийси помолчал и добавил: – Молочка оставляет, в лопухе, как надо. Жаль, мало оставляет. Но всё-таки я корову вытащил, а то не будет коровы, не станет и молока. Понимаешь?

– Ага, – произнёс Ист. – Это хорошо, что у Торпа скотина осталась, а то стыдно было, прямо хоть плачь.

– Слово это забудь! – рассердился Хийси. – Стыдно ему... Ты колдун, а колдуну не бывает стыдно! Погляди на кёнига – дрянь колдунишка, а ведёт себя как должно. Крысу тебе не жаль, а человек – это та же крыса, настоящей силы в нём нет. А то бы все вокруг волшебниками стали.

– Парплеус говорил, что прежде так и было.

– Врёт.

– Парплеус – учёный маг, все науки изучил.

– А как же, знаю. Его в молодости Парпляком звали, так он как был Парпляком, так им и остался. Глупый он. Была в нём искорка, только он её не уберёт. Пришёл ко мне и просит: помоги, мол, телеогнозию изучить. Ну, я ему и помог. Сожрал, и всё тут. Высосал, как паука муху, одна пустая шкурка осталась. Но зато пустую шкурку можно любой шелухой набить. Туда и телеогнозия вместится, и краниография, и дактилономия. Даже для пропеевтики с гидропатией место останется.

Ист уже ничему не удивлялся, лишь отмечал про себя, как меняется голос дикаря, самый тембр, когда он начинает рассуждать на темы вовсе дикарям не свойственные. Видно, не так Хийси прост, как повествуют сказки.

– Мы его тоже меж собой Парпляком зовём, – признался Ист. – Только он рассказывал, будто учился наукам не здесь, а в Индии, в храме обезьяньего царя. Есть такие звери – обезьяны, у нас их не бывает. А над ними главный – Хануман. Там магистр и учился.

– Верно, – кивнул Хийси. – Так и было. Меня в Индии и впрямь Хануманом зовут. Жертвы приносят: молоко, ягоды разные. Много. Только всё нечистое – в тарелках, вазах серебряных. А тут – в лопухе. Жаль, что мало.

– Так можно самому подоить, – подсказал Ист.

– Как? Для этого имя знать надо.

– А как её Торп зовет?

– В том-то и дело, что никак. Корова – и всё.

– Ну так и ты зови коровой.

– Нет, так не выйдет. Просто корова, это чтобы убить и съесть. А чтобы подоить – надо по имени.

Исту было непонятно, в чём именно заключается трудность, однако он добросовестно попытался её разрешить.

– А что, если самим дать имя?

– Это какое же? Имя так просто не бывает, надо, чтобы настоящее было.

– Мы и назовём по-настоящему. Чёрных коров обычно зовут Ночка, рыжих – Зорька. У Торпа корова рыжая – значит, будет Зорька.

– А если бы была пятнистая?

– Тогда – не знаю. Пеструха, наверное. Но ведь она у него рыжая.

– Ну, давай попробуем Зорьку. – Хийси приподнялся. – Посмотрим, что у тебя получится. Чего глазищи вытаращил? Сам придумал, сам и делать будешь. Пошли, что ли...

Они выбрались из берлоги, Хийси полез напрямик сквозь кусты тальника, и через минуту Ист увидел вросшую в землю заимку Торпа. Куда девалось болото, отделявшее хутор от всего остального мира, Ист не понял.

Уже смеркалось, дверь в доме была заперта, а дворовая дверь заложена изнутри накидным брусом.

– Не люблю... – прошептал Хийси, бесшумно открывая запертую дверь.

Корова переминалась во тьме хлева. Хийси подтолкнул Иста вперёд.

– Зорька, Зоренька... – позвал мальчишка.

Корова переступила с ноги на ногу и перестала жевать.

– Во что доить будем? – шёпотом спросил Ист.

– Мамку свою ты тоже доил, – ехидно поинтересовался Хийси, – или так управлялся? Вот народец пошёл – у младенцев ума больше, чем у взрослых парней.

Ист припал к вымени, попробовал сосать. Корова, хорошо выдоенная с вечера, молоко не отдавала, но не стала и биться, испуганная незваными гостями.

– На рассвете надо было приходиться, – проговорил Ист, оторвавшись от вымени.

– Ничего, – отозвался Хийси. – Всё-таки ты здорово придумал – самому имя дать. Мне такое в голову не вошло. Пошли, а то сейчас хозяйский талисман тебе на голову свалится. – Хийси указал на дырявый камень-громовик, висящий на струнно натянутой верёвке.

Они безмолвно покинули двор, а через пару шагов очутились на знакомой прогалине, откуда Ист так безуспешно пытался уйти.

Хийси одним движением оторвал лошадиную ногу, начал свежевать её, ловко и споро, словно и впрямь у него на концах пальцев красовались медвежьи когти. Дома Хийси вручил Исту кровавый кусок мяса, и мальчик покорно принялся жевать жёсткие волокна. Об огне и приготовлении пищи Ист не стал и заикаться, понимал, что услышит в ответ.

– Лучше бы ты мышку поел. – Хийси удовлетворённо отшвырнул кость и прислонился спиной к земляной стенке. – Мышка мягкая, легко жевать.

– Мышку мне тоже жалко.

– Ну и ну... – Хийси покачал головой. – Откуда только такие, как ты, берутся? Вот чем мне тебя кормить? Орехи ещё не созрели, ягод нет. Ложись спать – утром опять за молоком пойдём.

Ист свернулся калачиком среди палых листьев, удивляясь, что под землёй так сухо и ни единый комар не звенит в воздухе. И, уже засыпая, спросил:

– Дедушка, а как ты в Индию попал? Она же за морем.

– А так же, как и на Торпов хутор, – ответило из темноты. – Он тоже за болотом. Индия недалеко, если знать, как идти.

* * *

Спалось в лесной норе прекрасно, и, если бы не Хийси, продрых бы Ист до самого рассвета. А так всего-то удалось соснуть часа два, а потом пришлось подниматься и вновь идти к корове.

Насосались молока, вернулись к яме. Ист думал, что Хийси вновь завалится спать – что ещё делать в лесной глуши? – но старик опустил на кочку, подозвал Иста и велел ходить взад-вперёд. Ист, приученный кёнигом и не к такому, добросовестно маршировал, словно новобранец на плацу, потом ходил на руках, стоял на голове и даже пытался чесать ногой нос.

Хийси, изогнувшись немислимой загогулиной и только что узлом не завязавшись, наблюдал за Истом. Вид у старика был самый серьёзный, и постепенно Ист тоже настроился на серьёзный лад. Особенно после того, как Хийси вдруг поднялся и принялся ощупывать Исту суставы, выворачивать веки и заглядывать в рот, словно торговец, покупающий у черкесов молодого

раба. Дело это Исту не понравилось, а Хийси осмотром остался доволен и даже похвалил прежнего хозяина:

– Твой кёниг хоть и отступник от древних правил, а воспитал тебя как надо. А то бы заплыл жирком – так только на обед бы и сгодился.

«Не воспитывал он, а мучил без дела», – хотел возразить Ист, но промолчал, догадываясь, что время шуточек кончилось.

Однако лесной колдун и несказанное слышал и в случае нужды отвечал, словно мыслишка прозвучала вслух.

– Наука – мука, а и без науки – мука. Выбирай, что слаще?

– Наука лучше.

– Ну так слушай. Есть две силы. Одна у тебя в руке, такая сила всем поровну даётся, разницу едва увидеть. Другая – в башке. Вот она дается с разбором, да ещё и не всякий умеет её к делу приставить. Тут между двуногими тварями и разница пролегла. Кто может – тот маг, а кому лень – тот люд. Уразумел?

– Я это с пелёнок знаю.

– Тогда вот. Видишь, шишка висит? Захотелось тебе эту шишку добыть. Что делать будешь?

– Швырну палкой и собью.

Хийси зашипел по-кошачьи.

– И думать не смей! Маг шишку должен словом себе в руки скинуть. А человек – на ёлку полезть, в смоле перемазаться, ободраться, с ёлки свалиться, а шишки не получить.

– А почему палкой нельзя?

– Потому что палка – это машина. Простенькая, но оттого самая скверная. Рычаг, снаряд, копьё, ось – называй как хочешь, суть одна. В том и беда, что люди за машины взялись, а для мира есть только один из двух путей – магия или техника. Где машины усиливаются, там волшебство слабеет. Потому и не любят волшебники людей, хотя сами от них происходят.

– А почему же кёниг в доме живёт, ест жареное, ходит одетый?

– Потому что отступник. Зато в нём и силы нет настоящей. Гнилой он внутри. Сам посуды, он же смертный. Лет двести протянет, а там и состарится.

– А ты? – с ужасом спросил Ист.

– А я бессмертный. Меня только убить можно, да и то не вдруг. Что, не ожидал? То-то.

– Дедушка, – прошептал Ист. – А много таких, как ты? Настоящих?..

Хийси сгорбился, помолчал с полминуты, но ответил:

– Один. Остальные или сгинули кто где, или соблазнились на сладкое людское житьё. Есть такое слово – комфорт. Не слыхал? Так вот, он наш самый главный враг. Захотелось дуракам комфорта, они и позволили людишкам ткать, и прясть, и печи топить. А что от этого сила убывает, так беда невелика, её много, силы-то. Сами и не заметили, как прогнили. Ведь люди – словно муравьи, им соломинку протяни, они все наверх заберутся, источат тебя насквозь. Мельниц понастроили, корабли рубят. Рукоделия их уже в домах не вмещаются – возят на продажу в арбах и телегах; дорог напрокладывали. А волшебнику дорога только вредит, волшебник и так пройдёт, где ему надо. Но зато – комфорт... – Слово это Хийси прошипел, словно отфыркивался от чего-то особенно скверного. – Я-то на эту удочку не попался, а другие клюнули, позволили людям прогресс. Тоже не слыхал слова? Запоминай, врага надо знать. Слово – оружие мага. Что названо, то и существует, а остального нет. Почему-то об этом всегда забывают. Так и с прогрессом, пока его не было, так и не было. А как появился, то с ним уже не сладишь. Эти дурни рассчитывали сначала слегка поразрешать, а потом запретить. Как же, запретишь его! Вот и не стало настоящих магов. Новые, те, что смертные, уже и колдуют неприлично. Не миром повелевают, а вещами. Повелитель мечей! Это надо же так извратиться... Ну

да моё дело сторона, пусть повелевает. Сам же на свой меч и напорется. Ещё ни один повелитель мечей своей смертью не помирал.

– Так ведь в том высшая доблесть, – робко произнёс Ист заученную с детства истину.

– Помереть доблесть?! – рыкнул Хийси. – Дobleсть в том, чтобы жить! Вот что, хватит болтать, берись за дело. За шишку берись. Тяни её к себе, а я помогать буду.

Ист попробовал, но ничего не получилось.

– Не нужна мне шишка, – признался он. – Вон их вокруг сколько. Зачем мне именно эта?

– Кёнигу в лоб запустить.

Ист засмеялся, представив, как молодая смолистая шишка врежется в лоб Фирна дер Наста, и разом почувствовал её в своей руке. Ветка, где только что висела шишка, освобождённо закачалась.

Ист размахнулся и швырнул шишку в просвет между деревьями. Раздался треск, словно хрустнул слишком туго согнутый лук, и шишка исчезла.

– Тише ты, шальной! – хохотнул Хийси. – Весь мир перекалечишь. Я велел шишку сорвать, а ты её куда пулянул?

– А куда?

– Куда хотел. В лоб своему хозяину. Сейчас посмотрим.

Хийси широко развёл руки. В ответ словно окошко появилось посреди деревьев, и в этом окне Ист увидел одну из замковых комнат и кёнига, совершавшего утренний туалет. Вероятно, государь собрался бриться. Эту деликатную операцию повелитель мечей не мог бы доверить никому, так что брился он сам, как любой сапожник. Старый слуга Густин приготовил полированное серебряное зеркало, принёс и поставил чашу с крутым кипятком и хотел уже с поклоном удалиться, когда неведомо откуда взявшаяся шишка впечаталась кёнигу в забинтованный лоб.

Должно быть, это было очень больно – получить пусть и несильный, но неожиданный удар в раненую голову. Но даже если бы боли вовсе не оказалось, всё равно ярость повелителя измерить было бы невозможно.

С хриплым рёвом кёниг шагнул к окну. Не к тому, волшебному, что создал Хийси, а к настоящему, за которым расстился двор, полный по утреннему времени челяди. Широкий бритвенный нож прыгнул в ладонь повелителю. И тогда Ист, не зная, как остановить взбешённого владыку, мысленно толкнул бритвенный тазик. Кипяток плеснул на зелёные атласные штаны.

Кёниг так и не заметил магического окна, но этого ему и не требовалось. Густин, вскинув руки, повалился на пол. Из рассечённого горла хлестала кровь. И лишь потом кёниг, подвывая сквозь сжатые зубы, принялся сдирать прилипшую к ногам одежду.

Окно погасло. Хийси, коротко усмехнувшись, повернулся к Исту.

– Ты шустрый малыш. А вот скажи, тебе старичка не жалко? Ведь это твоя шишка его зарезала. Так что готовься, милый. По земле ходишь – муравьёв давишь. Я уже говорил: люди – те же муравьи. Много их, шустрые и кусаются.

Ист отошёл в сторону, сел на кочку. Потом вскинул голову и посмотрел в круглые глаза Хийси.

– Я не хочу быть волшебником.

Глава вторая

Служанка Амриты

Ист шагал через базарную площадь. При его приближении торговцы начинали особенно звонко выхвалять свой товар, а некоторые даже норовили ухватить Иста за полу куртки, чтобы хоть таким образом привлечь к себе внимание. Всякий видел, что по рынку идёт богатый покупатель. Сафьяновые сапожки с каблуком на подковке, короткие штаны с подвязками, расшитая куртка и наброшенный на одно плечо алый плащ-пыльник. Главное же – плотно набитый кошелек, висящий на тиснёном поясе.

Впрочем, остановить юношу никому и не удавалось. Ист проходил через толпу бесследно, словно ргуть сквозь сухой песок, край плаща невесомо выskalзывал из цепляющихся рук, и напрасно торговцы расточали цветы базарного красноречия. Ист не собирался делать покупок, да и денег у него не было. Кошель, набитый звонкими цехинами, лишь мерещился завистливым взглядам. На самом деле не было ничего: ни золотой нитки в волосах, ни обуви с модным каблучком, ни даже штанов. Хийси по-прежнему не признавал никакой одежды, и, значит, ученик должен был ходить голышом. Ну а красивый морок – чтобы не смущать обывателей.

Четыре года Ист провёл вместе с Хийси. За это время он вполне изучил несложную магию леса. Она легко открывается тому, чьи уши свободны, глаза не замазаны и душа не отравлена прогрессом. Лес оказался много проще, чем думалось вначале, но и много сложнее. Стоило допустить хоть одну фальшивую ноту, и живой лес превращался в толпу деревьев, где нет ничего, кроме бестолкового шевеления листьев. Но если ты свой и ведаешь простые древние слова, то лес оказывается единым большим зверем, а всякий зверь покорен слову мага. Можно, если хочется, закрутить тропы в тугой клубок, заставив неприятеля кружить на одном месте, словно муху в бутылочке. А можно в три минуты пройти в ту часть великого леса, что шумит в Индии или Намане. Деревья там растут иные, а лес тот же самый.

Лесной народец, как звали во всём мире обитавшую в дебрях нежить, оказался весьма разным, но даже для юного мага почти не опасным. Нежитью их звали потому, что они не могли родиться, как всякий зверь или человек, но и умереть толком им не удавалось. Тролли, лешие и ракшасы происходили от зверей, в недобрый час получивших дар слова, от людей, стигнувших в чаще, и даже от магов-недоучек, вздумавших покорить лес новомодным волшебством огня и железа. Лес принимал всех, делал своей частью, и они оставались живые, но не живущие: тихие или шумные, бестолковые и хитрые, забавные и уродливые. Настоящие маги держались от леса в стороне, стараясь не прикасаться к его тайнам, зная, что к прошлым векам нет возврата. Один древний Хийси продолжал властвовать над исконной колыбелью людей и магов.

Совсем рядом с убежищем Хийси обитал один из лесных гномов. Звали этого человечка Сатаром, и по его словам выходило, что он настоящий учёный маг, вроде чернокнижника Парплеуса. Ещё не умея ходить по тайным тропам, Ист познакомился с одичавшим волшебником. Сатар хоть и разговаривал с мальчишкой свысока, но тоже был рад знакомству. Кажется, он не слишком понимал, что с ним творится, и думал, что лишь недавно покинул университет Соломонинов, где преподавал теоретические основы генотеизма студентам старших курсов. Он не замечал изменений, произошедших с ним, не видел, что скукожился, словно высушенный белкой рыжик, и скорее напоминает зверька, смеха ради наряженного в камзол, нежели университетского профессора. Не видел даже, что суконный камзол, некогда модный, давно прирос к телу и это уже не одежда, а собственная шерсть, словно в насмешку сохраняющая вычурный портновский покрой.

– Молодой человек, – вещал Сатар в минуты хорошего настроения, – у вас, несомненно, есть задатки, и, как только я закончу здесь свои дела, я возьму вас в ученики. Это великая

честь, в университет не принимают кого попало, и уж тем более немногие могут похвастать тем, что я обратил на них внимание.

– А какие у тебя здесь дела? – невежливо спрашивал ничуть не смущённый Ист.

– О-о!.. – Крошечный маг вздымал к небу корявый пальчик. – Это неизречённая тайна! Да будет тебе известно, что здесь располагается величайшее болото мира. А что есть болото, как не остановленная, заснувшая река? Там на дне Стылой Прорвы лежит ключ-камень, который запер великую реку. Я вознамерился достать его, и тогда моя сила сравняется с божественной мощью. Ныне я близок к цели как никогда, осталось сделать последний шаг...

– А почему ты в лесу живёшь, если ты городской колдун? – перебивал нахальный мальчишка.

– Аккомодация, – многозначительно отвечал одичавший профессор. – Природа ревнива, приходится прибегать к мимикрии.

Хийси, когда Ист рассказал о новом знакомстве, лишь усмехнулся.

– Он что, вправду был профессором? – спросил Ист.

– Вправду. А был бы ещё и умным человеком, так и остался бы профессором. Так нет, не утерпел, сунулся куда не следует, вот и мается теперь.

– Это ты его заколдовал?

– Вот ещё, делать мне больше нечего. Сам вляпался. Явился к болоту и стал из своего посоха в трясину молниями садить. Всех лягушек в округе сварил. Ну и надорвался. Лес не любит таких притких.

– А что, правда на дне Прорвы ключ-камень лежит? Вот бы достать...

– А зачем он? В умной руке любой камень ключом станет, а дураку такая вещь ни к чему. Только сам себя запрёт да так и останется нежитью.

– Так он что, добыл камень-то?

– Не-е... Кабы добыл, так троллем стал бы, а он, сам видишь, простой лесовик. А ты глупостями-то не майся, а лучше скажи, на какой день в этом году чирки на болоте птенцов выведут?

Спустя три года учёбы старик признался, что и прежде подбирал в лесу заплутавших детей, в которых замечал искру волшебства, но все они, испорченные человеческим житеём, не смогли проникнуться лесом, и чаща мстила им за непонимание изгнанием или превращением в полузверя.

А Исту, который ничего не отвергал и боялся не более, чем следует тревожиться за собственную жизнь, лес открылся.

Несколько месяцев Ист путешествовал по всему миру, пугая в ореховых чащах одичавшего йетти, тревожа в тёплых хлябях гороподобного бегемота, силой равного левиафану, и споря в мерзлых тундрах, где и деревьев-то настоящих нет, с говорящим вожаком белых волков.

А потом пришёл к Хийси и попросился в город.

– Всё-таки хочешь? – проскрипел старик. – А зачем, ты подумал? Там свои маги, дохлые, хилые, но опасные. Здесь тебе ни один из них ничего сделать не может, а там ты перед их прелестями беззащитен. Не заметишь, как и сожрут. Это же ревнивые твари: друг друга жалят хуже скорпионов, а ты их уловов не знаешь.

– Потому и хочу туда попасть, что не знаю, – признался Ист.

И вот теперь он шагал через рыночную площадь старинного города Норгая, стараясь ни единым движением не выдать, что прежде не видал селений крупнее захолустного Снегарда. Дико сказать: и в Намане был, и в Лапландии, но только в местах безлюдных, в тундрах и джунглях, а это значит, что нигде не был и до шестнадцати лет ничего, кроме леса, не знал.

Задолго до городских ворот почувствовал Ист дыхание города. Вроде бы ничего не произошло, но словно уши заложило и глаза подёрнуло флёром – и видеть, и слышать стал хуже.

Ист и не подозревал, насколько его чувства зависят от магических способностей. За годы учёбы он привык жить в ярком мире, а тут вся яркость оставалась на поверхности, словно краска на трактирной вывеске. Неужто люди настолько слепы, глухи, не умеют чувствовать запахов и видеть сути вещей? Ист старался вспомнить, каким он сам был четыре года назад, но не мог.

Но даже те ошмётки чувств, что сумел он сохранить, обрушили на него невероятную круговерть ощущений. Люди, люди, люди... Каждый о чём-то думает, всякий чего-то хочет. На рынке всё было понятно: здесь кипела корысть, ползала жадность; мошенники обдумывали уловки, мелкий торговец судорожно пытался заранее подсчитать ожидаемый барыш и соображал, хватит ли денег, чтобы протянуть до следующего базарного дня. Простые, скаредные мысли. Воришка пытался срезать у Иста воображаемый кошелёк, но, получив по рукам воображаемый удар, отскочил, с трудом сдержав крик, а потом долго старался понять, чем перетянул его богатый прохожий, если в руках у него нет ни стека, ни плётки, ни вообще ничего.

Тёмными, непроницаемыми для чувств громадами стояли богатые дома, двухэтажные, с башенками и балконами, похожие на замки, с узкими окнами, прорезанными высоко над землёй, и глухими, прочно запёртыми воротами. Кто живёт там, о чём думает – неведомо.

Но самое притягательное находится за городскими стенами, казалось бы, открытое и доступное всякому грабителю, сумевшему собрать полсотни головорезов. Поодаль от города на другом берегу речки поднимаются вызолоченные крыши храма. Там оракул и капище норгайского бога Гунгурда. И даже здесь, среди базарной суеты, чувствует Ист тяжёлое давящее присутствие храма. Туда бы зайти, взглянуть хоть одним глазом, но именно это Хийси запретил крепче всего – и, значит, храм останется в стороне.

А сейчас, наверное, стоит пройти как бы между прочим мимо ремесленных мастерских, полюбоваться на страшное, проклятое богами и магами колдовство мастеровых. В Снегарде ничего подобного не было. Даже седельную мастерскую и кузню дер Насты поставили далеко на отшибе, отгородились от них алтарями победителя чудовищ неукротимого Хаймарта. Кёниг следил, чтобы без дела никто не вздумал подойти к опасному месту, так что Ист ни разу там не бывал. И вот теперь он решил посетить царство техники, заглянуть в самое нутро горна, где плавится и умирает волшебство.

Но сегодня Исту было не суждено попасть ни в гончарную, ни в кузнечную слободу. Лёгкая ладонь коснулась его плеча, и женский голос произнёс:

– Не может ли благородный юноша задержаться всего на одну минуту?

Женщина, сумевшая остановить его, была укутана широким омофором, так что одни глаза блестели под надвинутой на лоб материей. Мыслей незнакомки было не прочесть, словно они скрылись за толстыми стенами богатого дома. Но главное Ист понял: его собеседнице не было совершенно никакого дела до висящего на поясе кошелька, и, значит, речь пойдёт не о деньгах, а о деле, и в чём бы это дело ни заключалось, женщину стоит выслушать.

* * *

– Взгляни на этого юношу, Линта.

– На которого?

– По-моему, там есть лишь один юноша, на которого стоит смотреть.

– Вы имеете в виду юного щёголя с фальшивым кошельком? Бьюсь об заклад, что червонцы в его мошне чеканены жестянщиком. Думаю, что у него вообще ничего нет, кроме плаща и камзола. Парень гол, как храмовая крыса, у него нечем поживиться.

– Ты полагаешь, он гол? Кажется, на этот раз ты права больше, чем думаешь. Линта, мне нужен этот мальчик. Приведи его сюда.

– Слушаюсь, госпожа.

– И ещё. Подай мне монашеское платье.

– Монашеское? Может быть, лучше...

– Нет, не может. Я знаю, что делаю. Поторопись, иначе тебе придётся бежать за ним через все торговые ряды. Мы не должны его упустить.

* * *

Дубовая в медных заклёпках дверь отворилась перед ним и захлопнулась позади. Теперь Ист был отрезан от мира. Хийси не только не сумел бы помочь ему, но и следить за своим учеником уже не мог, разве что в доме окажется открытым окно. Однако все окна были не просто заперты, но и занавешены плотными портьерами, не позволявшими заглянуть внутрь.

Ист прошёл за укутанной в омофор фигурой в круглую залу, подчиняясь молчаливому приказу, уселся у стены на обитый малиновым бархатом пуф, приготовился ждать. Пока его ничего не тревожило, было лишь ожидание нового и необычного. Помня о предостережениях учителя, Ист постарался надёжней скрыть свои мысли и на всякий случай проверил, в порядке ли его призрачный туалет.

Тонко скрипнула дверь, в залу скользнула женщина. Не та, что остановила его, и вообще непохожая ни на одну из женщин, прежде виданных Истом. На даме было чёрное глухое платье и белый головной платок. Ист уже знал, что так здесь одеваются монахини, отрёкшиеся от света, ушедшие и от людей, и от магов. В то же время ничто в женщине не подсказывало, что она удалась от мира. И сразу было видно, что вошла не просто дама, а госпожа, привыкшая повелевать и принимать знаки преклонения. Даже супруга кёнига, высокорожденная принцесса, пленённая им во время набега на Монстрель, выглядела бы рядом с этой женщиной захудалой выскочкой.

– Простите меня, добрый юноша, – порывисто произнесла незнакомка, быстро подходя к Исту. – Но я знала, вы не откажете в помощи гибнущей женщине...

Мгновенный взгляд из-под повязанного по самые брови платка ожёг Иста. Две горячие ладони легли ему на грудь. Ист вздрогнул, старательно напоминая себе, что прекрасная монашка не видит всей двусмысленности ситуации и чувствует под ладонями не обнажённое тело, а скользкий наманский шёлк.

– Я вижу, вы благородный человек, дворянин...

– Я... – запнулся Ист. – Я всего лишь школяр, студент из Соломоник.

– Студент... – Она потупилась. – Скоро вы станете магистром, знаменитым чародеем... может быть, вы уже чародей. Конечно, вам нет дела до погибающей затворницы...

– Что вы... – Ист уже ничего не понимал. – Всё, что в моих силах...

– Спасибо... – шёпот едва коснулся ушей.

– Что я должен сделать для вас?

– Не сейчас. Время ещё не пришло. У нас есть полчаса, вы можете пока отдохнуть и, если захотите, выслушать мою историю. Хотите вина, или вы из тех людей, что не прикасаются ни к вину, ни к женщинам?

– Нет, почему... – Ист не знал, как себя вести. – Но всё же лучше воды, особенно если предстоит что-то серьёзное.

– Линта! – позвала дама. – Принеси нам вина, ты знаешь какого – старого хиосского. И кувшин воды из моего родника.

Безмолвная Линта принесла кувшин и маленькую запечатанную амфору с вином, поставила на стол два рубиновых бокала и исчезла, притворив дверь.

– Как вас зовут? – пристально вглядываясь в глаза, спросила дама.

– Ист, – честно ответил Ист и впервые почувствовал, как в сознании незнакомки мелькнула тень досады. Слишком легко и просто он открыл своё имя.

– Кто вы? – принимая правила игры, спросил Ист.

– Не спрашивайте, – последовал ответ. – Зовите меня просто Роксалана... Это настоящее имя, – добавила она после секундного молчания.

Гранатовое вино медленной струйкой стекало в рубин. Бисеринки пота выступали на ледяном хрустале кувшина. Глаза Роксаланы мерцали чёрным светом. Ист никак не мог избавиться от ощущения, что женщина видит его, как он есть на самом деле – обнажённым.

– Значит, вы из Соломоник? – спросила она, осветившись мимолётной улыбкой. – Я слышала о вашей достопримечательности. Монастырь девственных блудниц. Признаюсь, я не могу в это поверить. Они действительно девственницы все до одной?

– Не знаю, – ответил Ист. – Я не проверял.

Она вновь улыбнулась:

– А вы, мой скромник, умеете отвечать довольно-таки остро...

– Простите.

– Простите и вы мой интерес, но эти... служительницы из храма Нота и Зефира, они ненавидят меня, и мне, конечно, хотелось бы знать о них.

– Я ничем не могу помочь, – признался Ист. – Я ни разу не был на храмовых праздниках. Я вообще не житель Соломоник, я северянин, из Снегарда.

– Сне-егард... – протянула она. – О вас рассказывают легенды. Неукротимые повелители мечей, беспощадные и страшные в бою. Я думала, вы варвары в косматых шкурах, а вы вот какой. – Она вновь провела кончиками пальцев по его груди – и словно десяток крошечных молний пробежался по телу от этого прикосновения. Ист вздрогнул так, что этого нельзя было не заметить.

– Подожди, – невесомо произнесла Роксалана. – Я слышу, он уже идёт; он скоро будет здесь.

– Кто?

– Не знаю. Дракон. Они посылают дракона, чтобы мучить меня. Я не знаю, кто они, но, если можешь, – спаси меня. Он будет здесь через пять минут.

– Дракон? Но ведь их не бывает. Должно быть, это морок.

– Морок, от которого обваливаются стены? Морок, который убил моего брата? Хотя, конечно, он может убить и тебя. Уходи, оставь меня ему. Беги... Линта уже уходит, но она ещё здесь, она тебя проводит. Дракон не тронет тебя, когда ты покинешь мой дом.

– Я никуда не уйду, – покачал головой Ист. – Дракон там или нет, но, прежде чем он доберется до вас, ему придётся встретиться со мной.

– Спасибо... – Мгновенный поцелуй ожёг губы Иста. – Идём, я дам тебе оружие.

Ист хотел сказать, что как раз оружие ему и не нужно, но промолчал. В конце концов, он всегда успеет бросить мешающее железо.

Роксалана быстро поднялась, сделав знак следовать за ней. Ист спустился по крутой лестнице в подвал. Стены здесь были увешаны оружием. Груды доспехов были свалены в углах, копья поленицей сложены у стены, шестопёры подпирали их, чтобы копья не раскатились. Оружие было самых разных видов и фасонов: местное и привезённое из дальних краёв, древнее и относительно новое, парадное и простое, больше напоминающее инструмент ремесленника, заслуженное, побитое во многих боях и ни разу не побывавшее в деле. Должно быть, прежний хозяин дома понимал толк в убийствах и собирал эту коллекцию тщательно и любовно, но теперь, когда дом перешёл в руки женщины, ненужный металл был стащен сюда и как попало рассован по углам.

Роксалана беспомощно улыбнулась и сделала рукой приглашающий жест:

– Я не знаю, как с этим обращаться, но мне говорили, что здесь есть всё, что может понадобиться воину. Я помогу тебе облачиться в доспехи.

– Это как раз и не нужно, – отказался Ист, неодобрительно разглядывая холмы убийственной рухляди. – Если действительно сюда явится нечто вроде дракона, панцирь будет только мешать.

– Как знаешь, – согласилась Роксалана. – Тогда я просто буду молить пресветлую Амриту, чтобы она даровала тебе победу.

Среди ржавеющего хлама Ист выбрал кривой меч тёмного металла. Должно быть, он ковался очень давно, ещё в те времена, когда магия не была вытеснена умением даже в оружейных мастерских. Меч был тяжёл и дурно выкован, он не расслаивался на отдельные полосы металла только благодаря могучему желанию мастера изготовить нечто несокрушимое. Таким мечом удобно рубить камень и разваливать костяные пластины на теле фуэтов – неповоротливых огнедышащих монстров, которых во все времена принимали за истинных драконов. Только такой меч и сможет помочь в предстоящей битве.

– Я возьму его. – Ист крутанул мечом над головой. Взвыл разрубленный воздух.

– Ты настоящий герой. – В голосе красавицы послышалось восхищение. – Но будь осторожен. Это зачарованный меч. Он покорен только храбрецу, стоит сомнению хоть на миг проникнуть в твою душу, и ты не сможешь удержать его.

– Я из рода повелителей мечей! – без тени сомнения ответил Ист.

Снизу донёсся могучий удар, стены дома дрогнули, где-то зазвенело стекло.

– Это он! – Глаза красавицы округлились. – Он уже здесь!

– В подвале? – не поверил Ист. – Откуда дракон в подвале?

– Не знаю, но он пришёл за мной! Не пускай его сюда, ради всего святого!

Стена подземелья пошла трещинами, повалились грубо обтёсанные камни, и в проломе тяжело заворочалась громадная, покрытая свалявшейся шерстью туша.

– Уходи! – крикнул Ист девушке и шагнул навстречу тому, что рвалось сюда из-под земли, раскачивая и грозя обрушить дом. В следующий миг он узнал незваного гостя и едва не рассмеялся от облегчения и обиды. Какой же это дракон?! Сокрушая каменную кладку, в подземелье лез индрик-зверь, старший брат крота, несокрушимый, как скала, и мирный, словно вечер пятницы.

– Ты куда, дурачок? – закричал Ист зверю. – Тебе тут делать нечего, поворачивай назад! Обрушишь дом, а наверху – солнце. Сам же околеешь. Ну, иди, куда лезешь!

Однако зверь то ли не слышал Иста, то ли не мог понять. Он продолжал рушить стену, а потом из пролома вылетел гибкий волосатый хобот и, обвинив Иста поперёк туловища, потащил в пролом. Такое могло быть, если на зверя наложено мощное заклятие, заставляющее его действовать против своей натуры. А ещё индрик начинает беситься, если кто-то становится между ним и его самкой.

Исту не было времени раздумывать, что случилось на этот раз. Он чувствовал, как трещат его кости, косо скользнул потолок, камни, о которые сейчас будет раздроблена его голова. И тогда Ист ударил, передав изогнутому мечу всю силу рук, умноженных на полузабытые чары повелителя мечей. Удар, способный расщепить граниты Иттерби, достиг цели; волосатый хобот окрасился кровью, индрик издал тонкий, пронзительный звук и отшвырнул Иста. Любой человек был бы размазан по камням этим броском, но Хийси не напрасно четыре года школил мальчишку – Ист мягко впечатался в камень и через мгновение уже стоял на ногах целый и невредимый.

Индрик, ничуть не укрощённый, втискивался в подвал. Конец пораненного хобота он засунул в пасть и теперь старался выискать достаточно места, чтобы ударить противника загнутыми в дугу изжелта-белыми бивнями. Меч бесполезно валялся в стороне, воронёная сталь расслоилась на десятки изогнутых лепестков, словно карледский ворон распустил свой чудовищный хвост. Меч и сейчас рвался в битву, готов был прыгнуть в руку Исту, но что пользы от

этого железного веера? Индрик и не почувствует его прикосновения. Сейчас только солнечный свет может остановить взбесившегося зверя.

– Мамутч! – выкрикнул Ист настоящее, тайное имя противника. – Солнце взошло! Уходи!

Индрик очумело затряс башкой, но продолжал ломить прямо. Его явно гнала сила, превышающая натуру. Ист оказался прижат к стене, он уже ничего не мог сделать, лишь видел налитый кровью глаз и грязно-рыжие космы шерсти.

Оставалось последнее, запретное средство.

– Умри, мамутч, – приказал Ист.

Великан замер, колонны ног подогнулись, индрик тяжело осел на дрогнувшую землю. И, возможно, именно этого толчка не хватало дому: каменная кладка расселась, сверху посыпался мусор, а следом ударил тонкий и оттого особенно яркий луч света. Ещё не остывшая туша зверя начала рассыпаться на отдельные валуны; мёртвый индрик окаменел. Лишь два прижатые Истом к стене бивня остались прежними: тяжёлой, жёлтой от времени кости.

Что за невезение! Ист схватился за голову. Ну что стоило лучу проникнуть в подвал секундой раньше... А теперь подземный великан умер настоящей смертью и никогда не родится вновь. Убитые возвращаются, умершие магической смертью – нет. Отныне и навсегда на Земле станет одним индриком-зверем меньше. А сколько их было всего-то?

Но тут же Ист понял, что у него совершенно нет времени предаваться скорби. Не стоит забывать, что нелепая битва случилась не в известковых кавернах и не в подземных соляных промоинах, где дозволено смело крушить всё подряд. Ведь это подвал дома, который теперь может рухнуть в любую секунду, а там наверху ждёт странная женщина, пославшая его сюда. И, кстати, если перекрытия обвалятся ему на голову, то ему тоже не выжить. Тут город, а не лес, где всё знакомо и привычно. Ист подхватил хитро изломанный меч и поспешил вверх по уцелевшей лестнице.

Удивительным образом наверху разрушений почти не оказалось. Дом, треснувший от крыши до фундамента, стоял как ни в чём не бывало, даже рубиновые бокалы не расплескали своё блахоухающее содержимое. Роксалана замерла в дверях, вцепившись заледенелыми пальцами в косяк. Монашеский плат сполз на плечи, чёрные пряди волос рассыпались по белой ткани.

– Ты жив!.. – выдохнула она. – Ты его прогнал... Ведь он не вернётся?

– Он не вернётся, – успокоил Ист, бросив в угол задребезжавший веер. – Я его убил.

– Ты... ты – герой! – Казалось, Роксалана ничего не говорит, а просто от неё струится волна благодарности и нежного обожания. И, сбитый этой волной, Ист не смог выговорить слова правды, рассказать, что не было никакого дракона, а была лишь чья-то злобная шутка или месть, и в результате ему пришлось погубить редкого и совершенно безобидного зверя.

Ист подошёл ближе, пытаясь успокоить женщину, осторожно провёл ладонью по вздрогнувшей волне волос. Роксалана обхватила его руками, увлекая, отступила в комнату. С неожиданным смятением и радостью вспомнил Ист о призрачной несущественности своего наряда. Чёрное монашеское платье, белый омофор упали на пол, больше уже ничего не скрывая.

* * *

«Спи, мальчик, спи крепко и безмятежно. Спи, а мне надо подумать. Всеблагая Амрита, кого же это занесло в мои сети? Ведь этот мальчик действительно убил индрика за мгновение до того, как я раздвинула стены. И, главное, как он это сделал? Сам Дундар Несокрушимый не смог бы забить обезумевшего индрика голыми руками.

Неужели кто-то из бессмертных решил посмеяться надо мной? Но нет, есть вещи, которые не под силу даже богу. Например, стать мальчиком, впервые познающим женщину.

Сколько же тебе лет? Шестнадцать? Вряд ли больше... Но тогда ты самая большая удача, которая может выпасть в этой жизни, и я не зря протянула руку к покрывалу, которое когда-нибудь станет моим саваном.

Спи спокойно, мальчик, тебе ничего здесь не грозит. Безумно и расточительно было бы погубить тебя. Мы с тобой ещё зададим немало работы летописцам, и кто знает, сияющая Амрита, кем в итоге станет твоя покорная служанка.

Но как всё-таки хорош этот мальчик! Как он был уверен, наивный, что его милое колдовство не позволит мне увидеть его таким, какой он есть. Как он бледнел и вздрагивал от моих прикосновений: только ради этого стоило надеть платок.

Спи. Завтра ты уйдёшь отсюда, ничего не потеряв, уйдёшь во всём блеске твоей юности и неведомой мне магии. Но ты вернёшься, потому что прикован ко мне крепчайшей из цепей. Неужели я отпускаю тебя только потому, что живой и целый ты стоишь дороже? Дерево проклятия, помоги и просвети...»

* * *

Ист проснулся необычно поздно, когда на улице уже давно кричал, зазывал и торговался день. Комната была пуста, исчезло и большинство богатого убранства. Это казалось невозможным. Ист справедливо гордился чутким сном: в лесу среди ночи он слышал плавный полёт неясности, а осенью – падение жёлтых берёзовых листьев. Здесь же он проспал, когда из комнаты чуть ли не мебель выносили. И главное – в такую ночь... Как он вообще посмел и умудрился уснуть!

Ист поспешил вскочил, торопливо представил на себе свой мифический наряд, вышел из комнаты. В большом зале царил то же запустение: голые стены, голые столы. Исчез даже ковёр, на котором прежде стояла мебель, и выметенный пылью пол казался лысым.

Линта в прежнем монашеском одеянии сидела у стены и мелкими стежками вышивала на пальядах бесконечно повторяющийся узор.

– Что случилось?.. Где Роксалана? – бросился к ней Ист.

Линта подняла постный взор и ответила, не разжимая бескровных губ:

– Госпожи нет. Ей пришлось уехать. Она просила позаботиться о вас, если это потребуется. И ещё госпожа велела передать, что будет помнить вас вечно, и как бы ей ни пришлось расплачиваться за вчерашний день, она никогда не пожалеет, что встретила вас. – Линта вновь склонилась над вышиванием.

– Её увезли? Кто?! Где её искать?

– Не знаю. – Линта подняла прозрачные, как лягушачья икра, глаза. – Я всего лишь приживалка. Мне ничего не известно. У госпожи было немало врагов и ещё больше завистников. Так всегда бывает, ежели красивая и богатая женщина вздумает жить своей волей, не имея могучего покровителя. Могло случиться всё, что угодно. Так что успокойтесь, юноша, и идите завтракать.

– Да провались ты со своим завтраком! – заорал Ист. – Ты же была рядом, когда Роксалана исчезла. Вот и рассказывай, что здесь произошло!

– Рано утром, – монотонно начала Линта, – когда госпожа только поднялась, а вы ещё изволили почивать, у дверей появился некий человек. Я его прежде никогда не видела, но госпожа сразу признала его. Госпожа не хотела пускать его в дом, но человек шепнул что-то, и госпожа уже не смела возражать. Она лишь ответила, что сделает всё сама, а человек, она называла его Протт, пусть ждёт на улице. Этот Протт показался мне настоящим мужланом, хотя был богато одет. Он расхохотался и заявил: «Угодно работать – работай. Я найду через четверть часа». Госпожа собралась, и, когда этот тип явился вновь, она ушла с ним, хотя, видят боги, больше всего на свете ей хотелось бы остаться с вами.

– Почему она не разбудила меня? – помертвелыми губами произнёс Ист. – И как случилось, что я ничего не слышал?

– Не задавайте пустых вопросов, молодой человек. Вчера вы спасли жизнь моей госпоже, сегодня она спасла вашу.

– Хорошо... – Ист оставил в покое приживалку, и она немедленно вернулась к шитью. – Я найду Роксалану сам. А заодно отыщу Протта и тех, кто его послал. Пусть они заранее готовятся к нашей встрече.

Ист обвёл взглядом зал, удивляющий правильной нежилой чистотой и порядком. Лишь около дверей нелепым жестяным веником топорщится испорченный меч. Вряд ли его забыли случайно. Может быть, знак или талисман? Правда, учитель велел не верить талисманам, но этот случай совсем особый.

Ист поднял меч и ощутил тепло, идущее от покалеченного оружия.

– Я ухожу, – произнёс Ист от двери.

– Как будет угодно господину. Но, может быть, всё-таки сначала завтрак?

Глава третья

Святыня двенадцати дружин

Держа меч перед собой, словно букет опасных цветов, Ист пробирался городскими улицами. Даже здесь он издали чуял запах горячего угля и окалины, но прошёл уже чуть не полгорода, а ни одной кузницы на его пути не встретилось. Лишь потом он понял свою ошибку: на самом деле огненные мастерские стояли далеко за стенами возле реки, а запах казался столь силен просто потому, что здесь была не одна кузня, а целая слобода. Если род дер Настов отнёс огненное производство подальше от замка, опасаясь за чистоту магии, то в городе просто-напросто боялись пожара.

Ист беспрепятственно выбрался за ворота. Правда, для этого пришлось отвести глаза страже; воины могли заинтересоваться необычной ношей путника, но с такой простой задачей Ист справился даже здесь.

Среди мастерских Ист выбрал самую захудалую: навес, с трёх сторон прикрытый обмазанными глиной стенами, а спереди открытый на всеобщее обозрение. Позади кузницы скрывалась хибарка, где, вероятно, и жил мастер.

Ист подошёл и, протянув искалеченный меч, произнёс:

– Мне надо поправить эту вещь.

Кузнец провёл заскорузлым пальцем по изогнутому металлу, присвистнул.

– Кто же это его так?

– Сам, – коротко ответил Ист.

– Клинок, если его перекалить, может обломиться при ударе, а если закалка слаба, то при хорошем противнике меч может быть перерублен. А вот чем можно сделать такое? Это не крича, с которой при проковке отслаиваются пластины.

– Я в этом не понимаю, добрый человек. Я всего лишь хотел починить этот меч.

Мастер покачал головой.

– За такую работу я не возьмусь. И никто не возьмётся. Сам посуди, как можно сварить такие тонкие полоски?

– Я хотел бы попытаться сделать это сам.

Кузнец оглядел невысокую фигурку Иста, его не подходящий к работе наряд, задержался взглядом на чистых руках. Потом пожал бугристыми плечами:

– Что ж, баринок, попробуй. Любопытно будет поглядеть.

Ист сунул железный веер в горн, нажал ногой на мех, как только что подсмотрел в соседней кузнице. Сквозь гудение огня он чувствовал, как накаляется древний металл, и знал, что остатки чужого волшебства подскажут ему, когда меч надо будет вытащить на наковальню.

Кузнец исчез в доме, но вскоре появился вместе с древним стариком, должно быть, собственным отцом. Молотобоец – молодой румяный парень – стоял, прислонившись к стене, и явно не собирался помогать.

Ист выхватил меч из огня, кинул на наковальню. Светящиеся лепестки диковинного цветка торчали во все стороны. Ласкающим движением молота Ист заставил полосы сойтись вместе, а потом резко ударил. Кузнец презрительно оттопырил губу, а вот в глазах молотобойца мелькнуло удивление. Он-то знал, сколько весит его молот и каково это – орудовать им одной рукой.

Ист размеренно бил по светящейся полосе. Как и древнего умельца, его меньше всего занимало, то ли он делает и можно ли вытворять с железом такое. Он ковал оружие, которым будет карать врага, посмеявшегося украсть у него Роксалану. Сыпались искры, размеренно громы-

хал молот, и под его беспорядочными ударами мечу возвращалась изначальная форма: хищно изогнутая, мечтающая погрузиться в человеческую плоть и отведать живой крови.

Уловив момент, который подсказал сам меч, Ист бросил молот и погрузил завизжавшее лезвие в бочку с уксусом. Взметнулся кислый пар. Ист перехватил меч за ещё горячую рукоять, взмахнул им в воздухе, примеряясь к руке. Меч был хорош. С таким не страшно выходить хоть против самого дер Наста.

Оглянувшись, Ист натолкнулся на дикий взгляд кузнеца. Стоящий рядом старик дрожащей рукой отгонял злые чары. В следующее мгновение кузнец с голыми руками кинулся на Иста.

Когда-то Хийси ради забавы и выучки заставлял подрастающего Иста схватываться врукопашную с парой медведей. Правда, сейчас правая рука оказалась занята, в ней был меч, но Ист обошёлся и так. Крутанув, отправил кузнеца в угол, а следом швырнул насевшего сзади молотобойца.

– Вы что, мужики, сдурели?

– Твоя взяла, паскуда! – просипел кузнец ушибленным горлом. – Чего стал? Зови своих подручных.

– Дедушка, – повернулся Ист к старику. – Хоть ты-то объясни, что они взбеленились?

Старик молча приблизился, топорща седые брови, взглянул в лицо Исту.

– Ты что же, действительно не знаешь, что у тебя в руках?

– Нет, откуда знать, мне он недавно достался.

– Так не стой с ним на виду, – прошамкал старик. – Пройдёт мимо кто из служителей – и тебе конец, и нам заодно.

– Каких служителей, отец, объясни толком?

– Да ты что, вчера из леса вышел? – пророчески хохотнул молотобоец, потирая ушибленное плечо.

– Хочешь говорить – пошли в дом, – предложил старик и, не ожидая согласия, направился к дверям.

История, услышанная Истом, немногим отличалась от тех сказок, что вечерами рассказывали на кухнях всего мира. Хотя одно отличие всё же было: достаточно выйти на улицу и повернуть лицо к восходу, как увидишь червонные купола храма Гунгурда – бога-воителя, водившего в бой двенадцать дружин и сражавшегося враз двенадцатью мечами.

Двенадцать чернёных мечей хранились на алтаре из лилового чароита в глубине храма. Двенадцать жрецов охраняли их день и ночь, не подпуская близко непосвящённых. Так повелось издревна, и ничто не могло изменить раз установленный порядок. И всё же порядок был нарушен. Явившись утром, верховный жрец нашёл храм без охраны, а на алтаре не доставало одного меча. Схваченные служители повинились перед смертью, что были совращены женщиной небывалой красоты и каждый из них покинул в эту ночь храм, ожидая встречи с искусительницей и понадеявшись на остальных.

Однако вместо сладостного свидания, все они проблуждали ночь под дождём, а утром были схвачены и приведены к ответу. Отступников казнили, и с тех пор охрана святилища была поручена жрецам, не способным откликнуться на женские призывы. Алтарь Гунгурда охраняли воины, оскропленные особо изуверским способом: они сохраняли свою мужскую природу и даже могли бы иметь детей, если бы нож хирурга не запретил им навеки плотское соитие.

Город и вся страна искали дерзкую похитительницу, немало красоток нашли свой конец в подвалах храма, но меч так и не отыскался, на алтаре осталось лишь одиннадцать клинков, помнивших руку бога.

И вот теперь трое рассказчиков дружно утверждали, что в руках Иста находится пропавшая святыня либо же один из оставшихся в храме мечей. Этому Ист легко поверил, поскольку чувствовал небывалую магию меча. Смутило его другое. Таинственная женщина, совратившая

разом двенадцать адептов бога-воителя. Это не могла быть Роксалана! Она не способна на такое. И, кроме того, в таком случае меч, добытый столь скверными трудами, не валялся бы в подвале среди всякого хлама. Всё это Ист, горячась и перебивая сам себя, высказал вслух, впрочем, благоразумно не называя имён. Ответом ему были недоумённые взгляды и смешок молотобойца.

– Никто и не говорит, что это совершила твоя девушка, – пояснил кузнец. – Та история давняя, ей уже чуть не пятьсот лет. Столько не живут даже сильные маги, во всяком случае, если на них нет особого проклятия или благословения богов. Я говорю другое: меч был потерян, а теперь он нашёлся. И это не принесёт радости никому, кроме жрецов.

– Я не собираюсь отдавать его жрецам, – заявил Ист. – Я нашёл его, починил и оставляю себе.

В глазах кузнеца полыхнул ужас страшной догадки, и молчавший старик, очевидно, подумал о том же самом, потому что спросил перехваченным голосом:

– Кто ты?

– Я простой человек.

– Простому человеку не под силу держать этот меч и тем более починить его. Если ты рассказал правду, то уходи как можно скорее. Беги из города и страны и никому не показывай меча. Слуги и глаза Гунгурда могут оказаться где угодно. А если ты сам Гунгурд, то... – Старик безнадёжно махнул рукой и опустил голову.

– Мы люди мастеровые, проклятые всеми богами, – ни к кому не обращаясь, произнёс кузнец, – и нам не за что любить богов.

– Я уйду, – пообещал Ист. – Уйду из города и страны. Но сначала мне надо найти человека по имени Протт.

– Его найти нетрудно. Первосвященный Протт ежевечерне служит в храме.

– Когда тебя начнут пытать, – попросил старик, – не говори, что был у нас, и вообще не рассказывай, что меч был сломан. Так тебе же легче будет умирать.

* * *

– Где он?

– Не знаю, госпожа. Он убежал так быстро, что я просто не сумела понять, куда он делся.

– Линта, я оставила тебя специально, чтобы ты проследила за ним. И ты с этим не справилась.

– Я сделала всё, как было нужно. Но он исчез, и я не смогла его найти. Если бы в его кошельке было хотя бы полдинара, я бы сумела его выследить. Запах денег не отбить ничем. Но, госпожа, как искать нищего?..

– Дура! Этот ребенок стоит больше, чем весь твой любезный Норгай! Ты упоминала при нём имя Протта?

– Как вы велели...

– Да, конечно, велела. Но я же не думала, что он останется без присмотра. Воевать с храмом в открытую – дело безнадёжное; это тебе не индрик. Ты хоть понимаешь, что будет, если Ист столкнётся с верховным жрецом раньше, чем мы отыщем его? Понимаешь, что будет с тобой?

– Я ни в чём не виновата!..

– Это ты будешь рассказывать жрецам. А сейчас беги к храму. Стой там, ходи дозором, если угодно – поселись на ступенях, но перехвати его. От этого зависит слишком многое.

– Поздно, госпожа. Я чую запах дыма. В храме пожар.

* * *

Вот и нашёлся Протт – богатый человек с ухватками мужлана. Человек, способный приказывать именем неведомого владыки, перед которым склонила голову гордая Роксалана. И, кто знает, не из храма ли тянется злое чародейство, замутившее голову индрику и пославшее его на смерть.

В любом случае, так просто первосвященный Протт не погибнет. Прежде надо будет как следует порасспросить его. Вряд ли всё делалось ради меча, бездельно валявшегося в подвале. Если бы Протт знал, где находится святыня, он бы просто явился и забрал её. Значит, тут что-то другое. Не стоит сейчас ломать голову над этой загадкой. Скоро жрец Гунгурда сам расскажет обо всём.

Ист с мечом в руках приближался к тёмной громаде храма. Все свои силы он направлял на то, чтобы сохранить невидимым меч. Сейчас ему не нужна бессмысленная бойня, необходимо всего лишь поглядеть вблизи на ненавистного Протта и попытаться разузнать, куда он мог скрыть Роксалану. Вряд ли она в темнице, ведь она уходила сама, пусть и против воли, но не под конвоем. Значит, надо искать встречи с Проттом с глазу на глаз, а там Ист сумеет развязать ему язык. Простодушный лес, у которого учился Ист, порой умудряется в своей простоте изобретать весьма вычурные мучения...

Но все тщательно создаваемые планы рассыпались песком, едва Ист ступил под своды храма. Даже если бы здесь не было природных магов, которых нередко привлекает жреческая стезя, то всё равно само священное место признало бы святыню, отнятую у него столько лет назад.

Металлический гул наполнил воздух, словно великан ударил стопудовым молотом в необъятный бронзовый гонг. Меч, мгновенно потерявший невидимость, засветился, и во тьме храма косыми росчерками полыхнули одиннадцать оставшихся клинков Гунгурда. Только у храмовых клинков свечение казалось голубым, а меч в руках Иста разбрасывал жемчужный свет, яркий, как переливы февральского снега.

Пятьсот лет клинки Гунгурда были мертвы, но теперь, сойдясь вместе, они вновь обрели былую силу. Пятьсот лет никто не слышал удара незримого гонга, и звук этот, казалось, способен был поднять из могил мёртвых служителей.

Навстречу Исту выбежало множество народу. Здесь были купцы и воины, рабы и вольные люди. Но больше всего, конечно, было жрецов, и все до одного, как и положено слугам бога-воителя, при оружии. Впереди всех торопился невысокий плотный человек, которого Ист признал, хотя не видел никогда в жизни, а до сегодняшнего дня и имени его не слышал. И всё же Ист сразу понял, что перед ним первосвященный Протт, маг и верховный жрец, земной предстатель бога Гунгурда.

Теперь оставалось только драться.

* * *

Первосвященный Протт недаром уже восемьдесят лет был верховным жрецом. Другие могли быть растеряны или испуганы, Протт сохранял спокойствие. Кто-то мог не понять, что произошло, Протт понял всё сразу. Иные, даже из числа магов, готовы были поверить, что неведомый герой возвращает храму утерянное сокровище, а может быть, и сам Гунгурд решил посетить своё капище. Протт с ходу признал в пришельце врага и ударил первым.

Витой жезл в руках колдуна изогнулся, словно живой, и, резко выпрямившись, ударил пришельца. Вернее, должен был ударить, потому что в то самое мгновение, когда бронзовый наконечник коснулся груди, Ист ушёл в сторону, и оружие пронзило пустоту.

В свою очередь Ист обрушил рубящий удар на жезл, стараясь обезоружить врага. Удар был не особенно сильный, Ист слишком хорошо помнил, что случилось с клинком в прошлый раз, к тому же он надеялся, что вязкой бронзе хватит и такого, скользящего удара. Однако жезл не был перерублен. Он изогнулся, обвинившись вокруг клинка, и дёрнул, стараясь вырвать его. Тут уже пришлось призывать на помощь наследственную магию, иначе меч не удалось бы освободить.

Двенадцать стражей храма, чья мужская сила могла найти выход только в бою, были уже рядом. Железные орудия в их руках – полукопья-полубагры – обещали святотатцу тяжкую смерть. Верховный жрец проворно отскочил за спины слуг и, указывая на Иста, закричал что-то на древнем, непонятном непосвящённым языке.

Двенадцать цельнокованных багров, двенадцать пар мускулистых рук, двенадцать сердец, горящих жадой убийства. А против – один меч, признавший нового повелителя.

Человеку не дано видеть, как сражается повелитель мечей. Кто-то из стражей ударил мимо, кто-то выронил оружие, пытаясь сгрести выпадающие наружу разрубленные кишки, кто-то просто ещё не успел ничего сделать, а Ист уже прорвал кольцо, и вновь живой посох схлестнулся со священным клинком. Вновь победа не досталась никому, а отовсюду уже набегали новые противники с баграми, секирами и тонкими стальными сетками.

Ист видел, что через секунду его снова отсекут от первосвященника, и тогда тот сумеет уйти в одну из дверей, где в лабиринте ходов его не сумеет найти сам Гунгурд. И вместо того чтобы освободить схваченный меч, Ист ткнул им вперёд, не заботясь о себе и стремясь лишь пронзить врага. Меч пробил жреца насквозь, словно вертел куропатку. Посох со свистом разогнулся, швырнув Иста под ноги набегавшим воинам, и застыл, вновь обратившись в безжизненную палку.

Краем глаза Ист увидел, как слуги увлакивают залитого кровью Протта в боковой притвор, а затем уже не оставалось времени ни на что. Надо было рубить падающие сверху сети и стальные цепочки, отводить удары багров и уклоняться от стрел и дротиков. Медные ворота храма со скрипом закрывались, отрезая путь к отступлению.

* * *

Слуги принесли верховного жреца в адитум к малому внутреннему алтарю, уложили на столе, на котором обычно раскладывали самые богатые дары. Протт тяжело дышал, на губах пенилась кровь. Другой человек на его месте давно бы умер, но старый маг не желал умирать неотомщённым. Его не огорчало даже, что скоро его место займёт другой жрец, скорей всего богохранимый Кайрус. Главное было покарать осквернителя и отомстить за себя.

– Позовите Кайруса! – прохрипел Протт.

– Я здесь, – немедленно откликнулся жрец.

– Готовь заклятие медленных слёз.

– Но для этого нужны пустые подвалы... – опешил Кайрус.

– Освободи их.

– Но ведь там узники: враги храма, святотатцы...

– Гони взашей. Уцелеет храм – наберёшь новых.

– Великий, осмелюсь заметить, что хотя преступник сумел ранить вас, но мощь храма ему не сломить. Сейчас принесут отравленные иглы...

– Ты глуп, Кайрус. Неужели ты не видишь, что меч Гунгурда признал мальчишку? Ты хочешь, чтобы мечи покинули нас или погасли навсегда? Готовь заклятие. Я должен наложить его сам.

– Слушаюсь, великий.

Мгновенно возле поверженного жреца появились несколько служек. Обострившийся слух Протта донёс скрип тяжёлых дверей: стража гнала из подземелий заключённых. Веками там, в тюремных камерах, копилось безысходное одиночество, капали медленные слёзы остановившегося времени. Оттуда ещё ни разу никто не выходил на волю, и никто не умирал скорой насильственной смертью. Там убивало только время. И вот теперь этот накопившийся ужас должен был выплеснуться наружу.

Одновременно Протт слышал иной, куда более явственный шум. В алтаре продолжалась битва. Могучий безумец, неведомо зачем ворвавшийся в святилище, крушил храм. Звенело железо, слышались крики и хрип умирающих, несло масляной гарью – очевидно, разбитые светильники подожгли покровы алтаря и драпировку стен.

В темнице глухо лязгнул последний засов.

– Начинайте! – скомандовал Протт.

– Скорбь моя велика!.. – затагнули служки.

– Плачьте!.. – мрачно откликнулись жрецы.

Протт приподнялся, встал, облокотившись на алтарь. Он знал, что сил его достанет на долгое заклинание, и надеялся, что потом он успеет взглянуть на своё последнее волшебство.

– От горя застыло время!..

– Плачьте!..

В голове у Протта мутилось, в глазах копилась мгла, жизнь покидала его капля за каплей, но в нужную минуту верховный жрец вскинул руки и выплюнул вместе с кровью:

– Пусть будет так! – И лишь потом обмяк, подхваченный услужливыми руками.

Запоздало вбежал призванный кем-то лекарь, но Протт отстранил его движением пальцев.

– Несите в храм. Я должен видеть.

Центральный алтарь был разгромлен до основания, но тысячелетние стены и камень Гунгурда выдержали, а всё остальное можно будет поправить. Главное, что священные мечи вновь светились негасимым пламенем. Одиннадцать мечей были разбросаны где попало, уцелевшие жрецы ещё не успели собрать их. Двенадцатый меч оставался в руке святотатца. Ист недвижно застыл чуть в стороне от алтаря. Казалось, он бежит, заносит руку для удара, и ничто не может остановить его движение. Но вокруг фигуры хрустальными гранями вздыбилось замершее время, и боец остался вплавленным в него, словно стремительная стрекоза в гуще янтаря.

Ист был жив, он бежал как и прежде, но его движение неимоверно замедлилось. Лишь столетия спустя хронографы отметят, что поза пленника изменилась. А чтобы выйти за пределы кристалла, не достанет самой вечности. Одна мысль оставалась прежней, и каждая минута заточения в застывшем времени оставалась бесконечной минутой, полной тоски, мучений и бессилия.

Протт довольно улыбнулся. Преступник наказан, святыня, столь долго считавшаяся утерянной, возвращена. Не страшно, что она осталась в руке негодяя, но она здесь, и остальные мечи горят. А что возле алтаря появилась эта живая статуя, так в том беды нет. Лишняя диковина никогда не бывает лишней, а рассказ о небывалой битве скоро обрастёт многими подробностями, и следы этого предания не потускнеют в веках. Последним усилием Протт приподнялся, взглянул в лицо Исту:

– Не знаю, кто ты, зачем явился сюда и что было тебе нужно, но всё, что бывает, свершается к вящей славе храма.

* * *

Владыка твердостенного Снегарда, повелитель мечей, кёниг Фирн дер Наст по прозвищу Глубокая Шапка сидел в своих покоях и скупающим взором глядел в проём распахнутого окна.

Близилась осень, за окном наводил уныние дождь. И тем неожиданней было появление большой, по-весеннему праздничной бабочки. Она впорхнула в комнату и замерла на стене, подрагивая лазурными крылышками.

Дер Наст привык не обращать внимания даже на людей, не говоря уж о насекомых, но сейчас нельзя было не понять, что таких летуний в его краях не встречается. Но всё же маг продолжал сидеть и ждать, ничем не выдав, что готов к отпору.

Раздался негромкий смех, и у стены, где только что трепетала бабочка, появилась женщина.

– Здравствуй, Фирни, – произнесла она, радостно улыбаясь.

– Зачем пришла? – спросил кёниг.

– Ах, Фирни, ты остался таким же грубияном, как и был. Увы, грубость – обратная сторона мужественности, а ведь именно за мужественность я когда-то полюбила тебя.

– Ну так и зачем ты явилась? – повторил вопрос кёниг.

– Фирни, мне нужна твоя помощь.

– Это я догадался.

– Надо освободить одного человека.

На этот раз повелитель мечей не произнёс ни слова, лишь брови его удивлённо вздёрнулись вверх.

– Не ревнуй, он ещё ребёнок, мальчик.

– Мне известны твои вкусы. Однако ближе к делу. Кто перебежал тебе дорогу, и что я получу за свою помощь?

– Мальчика схватили служители храма Гунгурда. Ты бывал в Норгае и знаешь, что это значит.

Дер Наст присвистнул.

– И что же ты хочешь от меня?

– Храм сейчас незащищён. – Женщина наклонилась вперёд. – Они истратили заклятие медленного времени, оно начнёт набирать силу, может быть, лет через десять. Верховный жрец убит, и серьёзных магов у них не осталось.

– Любопытный, однако, мальчуган тебе достался...

– Ну что ты, у меня не было никого лучше тебя, Фирни.

– Это я уже слышал. А что ты предложишь за помощь? Себя можешь не упоминать.

– Я отдам тебе Норгай. В нужную минуту ворота будут открыты. Можешь грабить весь город и даже мой дом. Всё равно там ничего не будет.

– Ворота будут открыты... А за воротами – засада?

– Не городи ерунды, Фирни. Мне надо, чтобы ты целым дошёл к храму.

– Я подумаю, Роксалана. Твоё предложение... оно немного неожиданно. Не думал, что после того, что было, ты явишься за помощью ко мне.

– Кого же мне ещё просить, Фирни? Кроме тебя, у меня нет никого. Кстати, этот мальчик твой земляк. У тебя случайно нет сына? Он обмолвился, что происходит из рода повелителей мечей. И в это нетрудно поверить. Только ты мог бы рубиться лучше.

Дер Наст медленно провёл рукой по плотной кожаной шапке, которую не снимал никогда, за что и получил своё прозвище.

– У меня нет сына. А что касается остального, то мне понадобится шесть или семь недель, чтобы собраться и привести ялы в Норгай. Придётся поторопиться, мне бы не хотелось зимовать в южных морях.

– Я буду ждать... – упал невесомый шёпот.

Дер Наст усмехнулся.

– Не трать силу понапрасну. Второй раз я на твою приманку не клюну. Но зла я на тебя тоже не держу. Каждый из нас получил, что хотел. Ты сумела получить больше, но причин для

кровной обиды у меня нет. Я приплыву и погляжу, что за земляк объявился у меня в храме Гунгурда...

* * *

Норгай горел.

Никто из жителей и даже властей города не мог понять, как случилось, что на улицах появились враги. С вечера, как обычно, шумел базар, народ занимался обыденными делами, стража лениво обходила ряды, и лишь моряки в порту шептались, будто кто-то видел ялы северян не так далеко отсюда. Но кто станет слушать бредни подвыпивших мореходов? Пускай даже действительно пираты мёрзлых морей появились в округе, это же не значит, что они осмелятся подойти к самому Норгаю. Тысячу лет город стоял неприступно, охраняемый каменными стенами, неустрашимым войском и великим богом Гунгурдом. Пираты кружат у горизонта и бегут, завидев вышедшие навстречу галеры. Ну, может быть, успеют разбить пару тихоходных купеческих кораблей. И, разумеется, ближние деревни должны опасаться гостей с севера. Остальным угрозы нет: что может сделать дюжина ялов с многотысячным городом? Тем более самоубийственно нападать на храм – маги Гунгурда знамениты изощрённым искусством боя.

Обыватели отсплетничали своё в вечерний час перед отходом ко сну, а когда проснулись – город пылал с четырёх концов.

Противник высадился прямо на причалы; не помогли ни башни с катапультами, ни цепи, которыми на ночь запиралась бухта, ни даже внутренняя стена, которой город отгораживался от беспокойного порта, где драки запросто могли перерасти в бунт. Что случилось на причалах, почему молчали башни, кто открыл ворота – неведомо, и спросить не с кого – мёртвые признаваться не любят.

Потом болтали о великом предательстве: будто бы ночной страже в жвачку с красавкой, что жуют в ночной час, дабы не потерять бдительности, было слишком переложено белены, а всем остальным вместо вечерней трубки гашиша выдали такое, что и вовсе никто не выбрался из подожжённой кордегардии навстречу врагу. В домах вельмож, конечно, была собственная охрана, но противостоять ворвавшимся головорезам она не могла, и к полудню бой на улицах превратился в грабёж. Вчерашние богачи, подгоняемые пинками и страхом, сами потащили сокровища на красногрудые корабли, украшенные звериными мордами и боролатыми ликами полуночных богов.

Дер Наст шагал по улицам поверженного города. Грудь его вздымалась, вдыхая сладкий дым пожара. Меч в руке повелителя потускнел, упившись кровью, но кёниг всё не мог успокоиться и искал, где ещё продолжается отчаянное и бессмысленное сопротивление.

– Обожди, сияющий кёниг! – раздался дребезжащий старческий голосок.

От стены отлепилась согнутая фигура и заступила дорогу спешащему воителю. Старушонка с мелкими, невыразительными чертами лица, бедно и блекло одетая, – такие никогда не привлекают ничьего внимания. И всё же дер Наст послушно остановился.

– Я сдержала своё слово, – проскрипела старуха. – Ты доволен?

– Пожалуй... – небрежно ответил дер Наст. – А это что, – он повел мизинцем, – твой настоящий облик?

– Нет, конечно, – усмехнулась старуха. – Неужто три десятка лет, что мы не виделись, могут так состарить меня? Это чтобы не искушать зря твоих воинов. Сегодня всего спокойнее ходить в таком виде. А вот ты, Фирни, изменился. Ты стал настоящим мужчиной, сейчас я бы не осмелилась шутить с тобой.

– Хвала богам, – отозвался дер Наст.

– Фирни, – напомнила старуха, – ты обещал помочь мне. Храм беззащитен, храмовая дружина у стен. Они устроили засаду и ждут случая, чтобы ворваться в город. Если открыть

ворота, они втянутся в бой, и храм можно будет взять голыми руками. У меня есть свой ход за стены.

– С чего ты взяла, будто я собираюсь связываться с храмом? Южные боги мстительны, а добычи мы взяли столько, что не уволочь. – Дер Наст глянул в лицо собеседницы и захохотал: – Ишь, как тебя перекорёжило!.. Ладно, Роксалана, я пошутил. Пощупаем наследство старика Протта! Только уж извини, через подкоп я не поползу.

Дер Наст протрубил в рог, отдал несколько приказаний подбежавшим воинам и, не оглядываясь на Роксалану, двинулся к воротам. Колдунья засемила следом.

Перепополосанные сталью ворота распахнулись, небольшой отряд северян двинулся было в сторону недалекого храма, но тут же из-за разбросанных вдоль дороги камней, из прозрачных колючих кустов, чуть не прямо из воздуха возникли толпы вооружённых слуг гневного Гунгурда. Чернокожие невольники со стальными баграми, храмовая стража с копьями, украшенными пышными бунчуками, послушники с чёрными клинками – копиями двенадцати священных мечей. В центре плотной группой двигались одиннадцать жрецов, в руках которых светились волшебные мечи. Лишь один меч остался в храме, поскольку был зажат в руке пленённого Иста. Впереди всех скользящим боевым шагом, напоминающим танец змеи, шёл верховный жрец с резным посохом в руках.

Предупреждённые заранее северяне ждали нападения, но всё же попятись при виде возникшего из ниоткуда войска. Посох в руке первосвященного Кайруса резко распрямился и, невиданно удлинившись, ударил в грудь одного из дружинников дер Наства. Воин отлетел в сторону, на его губах выступила кровь, грудь была вдавлена внутрь, будто не тонкий посох коснулся её, а трёхпудовый валун, сорвавшийся с вершины Растекайсе.

– Это преемник Протта? – громынул дер Наст. – Да его магии не хватит, чтобы ушибить малиновку! Покойник убивал посохом по семи богатырей за удар, а этот рукосуй и держать его не умеет!

Голос кёнига именно громынул: вся тирада заняла меньше времени, чем потребно человеку, чтобы воскликнуть «Ох!». И всё же воины с обеих сторон разобрали каждое слово. Искусство напыщенной похвальбы в самые неподходящие мгновения боя с давних времён отличало снегардских кёнигов.

– Эй, недомерок, теперь бью я! Лови!

Верховный жрец не успел ни вскинуть посох, ни хотя бы повернуться на голос. Кинжал повелителя мечей опрокинул первосвященника, бесславно завершив его недолгое правление. Оба войска замерли, словно не веря случившемуся.

– А вот с этими придётся порубиться как следует! – Голос дер Наства, как всегда, был слышен всем. – Сами они – пустышки, но за них дерутся мечи. Что ж, покажем мечам, кто их повелитель!

– Фирни, у нас дела, – этого голоса не слышал никто, кроме дер Наства.

Напоминание остудило задор кёнига.

– Отходим! – безо всякого перехода скомандовал он. – Закрепиться в домах и медленно отходить к ялам. Старайтесь разъединить меченосцев. Пока они вместе, к ним подступа нет. Я скоро буду.

Вышколенные дружинники без тени замешательства начали отход. Подозвав семёрку лучших воинов, дер Наст поспешил вслед за Роксаланой к обещанному подкопу, которым ещё минуту назад он не желал пользоваться.

Круглый туннель, пробуровленный индриком, вывел отряд почти к самому монастырю. Оставленные для охраны служители были изрублены в четверть минуты, и повелитель мечей ступил под своды храма.

Хотя с памятных событий прошло с лишком четыре года, Фирн Глубокая Шапка сразу узнал Иста. Кёниг подошёл к кристаллу, прижал к нему ладони раскрытых рук, словно хотел обнять недруга.

– Вот и свиделись, племянничек, – прошептал он. – Значит, прошлый раз сумел ускользнуть... Посмотрим, как ускользнёшь на этот...

– Фирни, – напомнила о себе Роксалана. – Этого мальчика надо освободить. Думаю, что вдвоём мы сумеем расколоть кристалл.

Дер Наст повернулся к колдунье. Широкая открытая улыбка озарила его лицо.

– Милочка, с чего ты взяла, будто я собираюсь выручать этого юнца? Да, он мне знаком, но за ним тянется такой должок... кстати, и за тобой тоже. Так вот, с тобой я теперь в расчёте. Сначала Норгай, а потом удовольствие видеть мерзавца запаянным в стекло... я искренне прощаю тебе все долги. Если угодно, можешь идти домой, думаю, он пострадал не слишком сильно. А к племянничку у меня ещё есть дела.

Отшатнувшись, Роксалана смотрела, как на ладони дер Наста извивается тонкая золотая нитка. Дер Наст приблизился к кристаллу, хлопнул по нему ладонью, словно мальчишка, запятнавший наконец долго уворачивавшегося приятеля.

– Заклятие медленного времени, – пояснил дер Наст, радушно улыбаясь. – Не будь оно живым, парень вышел бы наружу лет через полтора. Но старый Протт знал толк в колдовстве. Кристалл подпитывает себя одиночеством и тоской пленника. Чем дольше пленник пробыл в кристалле, тем дольше оттуда выходить. Хитро... Жаль, я не умею делать таких шуток. Я бы залил медленным временем тебя и поставил в своём замке рядом с чучелом медведя. Иногда я бы разговаривал с тобой, ведь это можно, если испытываешь к пленнику искреннее чувство. Я мог бы побеседовать и с ним, – палец мага ткнул в сторону впаянной в кристалл фигуры, – но пока я не буду этого делать. Я подожду. Золотому волосу неведомы тоска и одиночество, он не способен испытывать скорбь и умножать её. Значит, через полтора лет он достигнет твоего любовника. Я надеюсь дожить до этого времени и мирным пилигримом приплыть в Норгай на поклонение святыням Гунгурда. Если хочешь, приходи тоже. Мы вместе посмотрим, как исполнится моё проклятие. И пусть меня зажарят фуэты, но ради такого удовольствия я согласен ждать полтора века.

Роксалана пятилась, не сводя ненавидящего взора с дер Наста. В эту минуту она как никогда была похожа на ведьму.

– Прощай, красотка! – крикнул дер Наст от дверей. – Скажу честно, в дряхлом виде ты нравишься мне куда больше, чем в юном.

Роксалана гневно выпрямилась, глаза метнули тёмные молнии, волосы мгновенно почернели, но дер Наст был уже на ступенях и ничего не видел.

Заторможенно, словно её вело чужое заклятие, Роксалана обошла хрустальный куб, встав так, чтобы пленник медленного времени мог разглядеть её. Приложила ладони к неосязаемой границе, стараясь проникнуть разумом сквозь мерцающие грани.

– Исти, ты меня слышишь?

И ответ пришёл, трудный и тягучий, словно сами мысли были заморожены застывшим временем:

– Роксалана?..

– Это я, Исти! Им пришлось меня выпустить вместе со всеми, иначе они не могли наложить на тебя заклятие. Я теперь на свободе, но не знаю, как помочь тебе. Исти, подскажи, что мне делать?

– Позови учителя.

– Как? Я просила о помощи могучего чародея, он только что был здесь вместе со старой ведьмой. Но, увидев тебя, он отказался помочь.

– Это дер Наст. Он мой враг.

– С этой минуты – и мой враг тоже. Но о каком учителе ты говорил, Исти?
– Тут неподалёку есть лес. Встань на развилке любой тропы и громко крикни: «Ист попал в беду!» Учитель услышит.
– Хорошо... – прошептала Роксалана в прозрачную глубину. – Исти, любимый, я сделаю всё, что надо.

* * *

«Значит, у мальчика есть учитель. Это разом объясняет всё. Кроме одного: кто из магов оказался так беспечен, чтобы делиться могуществом с другим человеком. И уж тем более этим не станет заниматься никто из богов. Легенды об учителях – всего лишь легенды. Даже Протт лгал, будто учился у Гунгурда. Маг всего добивается сам, в одиночку. И лишь потом, когда ты достиг могущества, на тебя обращает внимание бессмертный и благосклонно берёт в прислужники, одаряя взамен крохами своего всесилия.

И всё же Ист говорил об учителе. Благая Амрита, меньше всего на свете я хотела бы встретиться с этим учителем лицом к лицу. Но что-то делать надо; золотой волос мне не останавливать, а бросить Иста я не могу. Слишком хорошо я сплела паутину и сама запуталась в ней вместе с моим залётным мотыльком».

* * *

Суровый кодекс воина, изустно передаваемый зимними вечерами от одного поколения другому, регламентирует в походе каждую мелочь. И, уж конечно, он однозначно говорит, как вести себя с женщинами. Мужчин убивают, женщин – нет. Более того, обычай запрещает растрачивать в походе мужское естество, от которого зависит ярость в бою и отвага. И даже после боя нельзя оставлять своё семя дочерям и жёнам противника, чтобы потом не пришлось биться против собственных сыновей и братьев. Но ничто не запрещает увозить полонянок с собой. Случалось, что на отваливающих кораблях девушек было больше, чем похитителей. Ещё в море происходило сладкое разрешение воинского поста, и плач обиженных красавиц разносился над волнами. Потом пленницы становились служанками или отправлялись в стряпушую, но и там главное своё предназначение должны были выполнять беспрекословно. Потому и бегали по улочкам Снегарда и других северных поселений черноволосые, раскосые, а то и вовсе темнокожие ребятишки. И даже в окрестных хуторах у хозяина случалось до полудюжины привезённых из набега служанок, и законная жена, бывало, месяцами ждала, пока супруг обратит на неё благосклонное внимание.

Все эти тонкости были неведомы прелестным жительницам Норгая, да и в противном случае радости бы принесли немного, разве что старухам и уродливым страхолюдинам. Каждый бежал и прятался где мог.

Этой осенью Рита должна была выйти замуж за весёлого парня Тибба – подмастерья из кожевенной слободы. Союз заключался по любви, и, хоть не предвиделось в грядущем особых богатств, оба были счастливы ожиданием заветного дня. И вдруг, когда до свадьбы оставалась всего неделя, на город пало нашествие. Правда, кожевенная слобода не горела – завоевателям хватало добычи в самом городе, где жили богатеи, но всё же народ старался спрятаться, как только возможно. Рита и Тибб схоронились в сарае, где хозяин сваливал невыделанные кожи. Рита беззвучно плакала, Тибб судорожно сжимал косой нож, которым кроил в мастерской подмётки. Ждали беды, и беда пришла, но вовсе не та, какой боялись.

Бесшумно отворилась дверь, и через порог шагнула женщина. Длинное платье чёрного атласа, каких вовек не бывало в предместьях, тусклый блеск старинного золота на запястьях

и шее, искры бриллиантов в струящихся чёрных волосах. И лицо – прекрасное, как у статуи, и такое же неживое.

Тибб шумно вздохнул, обронил нож и замер, словно утёнок, над которым зависла тень ястреба. Рита нашла в себе силы приподняться навстречу страшному видению.

– Не отдам... – с мужеством отчаяния прошептала она.

– Узнала... – понимающе усмехнулась Роксалана.

Рита и впрямь с полувздоха поняла, кто вошёл в сарай, хотя Амрита миловала её от встреч с этим чудовищем. Ведьма-разлучница, ужас влюблённых. Во всякую минуту она могла увести любого парня – хоть из-под венца, хоть от супружеской постели. Рассказывали, что, наигравшись, ведьма бросала жертву, но после этого парни долго не жили, а кто и оставался в живых, ничего, кроме горя, своим суженым не приносил.

– Не отдам, – повторила Рита.

Роксалана долгим изучающим взглядом оглядела Риту и, кажется, осталась довольна.

– Любишь его? – спросила она.

Рита молчала.

– Если любишь, то сделаешь, что я скажу. Сейчас ты пойдёшь в лес, это неподалёку, станешь на развилке троп и громко крикнешь: «Ист попал в беду! Жрецы схватили Иста!» Поняла?

– Зачем?..

– Затем, что твой парень тоже попал в беду! Сделаешь всё, как надо, – верну его тебе целым. Он и помнить ничего не будет.

– Обманешь.

– Обманула бы, если бы могла. Но не могу, клянусь источником. К тому же у тебя всё равно нет выбора. Иди. Бандиты тебя не тронут, во всяком случае по пути туда.

С трудом переставляя негнущиеся ноги, Рита вышла из сарая. Она не знала, что ужасней – идти в лес, где явно творится злая волшба, или оставлять беспомощного Тибба наедине с ведьмой. По счастью, городской лес действительно начинался неподалёку. Рита добралась до первой развилки, остановилась. Перехваченное горло не могло издать ни звука.

– Ист, – прошептала девушка, – попал в беду...

Она не замечала слёз, непрерывно текущих по щекам, забыла о страхе за себя. Какая может быть волшба в лесу, где знаком каждый пенёк? А вот Тибб действительно в беде. И дорога каждая минута.

– Ист попал в беду! – надрывно закричала Рита. – Жрецы схватили Иста!

Смутный шум прошёл по верхушкам деревьев: то ли ветер коснулся не опавшей ещё листвы, то ли вздохнул, просыпаясь, неведомый великан. Рита попятилась. Она почувствовала, как большая мохнатая лапа опустилась на неё, проникла в душу, ворохнула мысли и исчезла, ни о чём не спросив.

Наваждение отступило, и Рита опрометью бросилась назад. Теперь ноги слушались на диво. Рита подбежала к сараю, дёрнула дверь. Ведьмы не было, а Тибб спал, свернувшись на жёсткой коровьей шкуре. Косой сапожный нож валялся рядом.

* * *

Невысокая сутулая фигура двигалась через пылающий Норгай. Идущий беспечно шагал посреди улицы, сторонясь горящих домов и безразлично перешагивая валяющиеся трупы. Взор со скучающим интересом бродил по окрестностям. Удивительным образом на одинокого пешехода не обращал внимания никто из оказавшихся на улице людей. А их было немало: жителей, выгнанных огнём из подвалов, мародёров – отчаянных и готовых на всё, отходивших ратников дер Наста и даже случайно уцелевших защитников города. Но все они, поравнявшись

с таинственным путешественником, покорно отводили глаза и продолжали заниматься своими суматошными делами, словно рядом никого не было.

– Шустрый мальчуган, – ворчал идущий. – Надо же, так муравейник разворошить. Это тебе не шишками пуляться. Бойкий мальчик растёт. Но ещё глупый. Говорил ему – не лезь куда не следует. Нет, загорелось... Вот и влип. А мне выручать. Жаль, беспокойства будет много... и крови. Ну да это не беда... ребёнку пора взрослеть. С другими хуже бывает, а тут пока что и трёх сотен зарезанных нет. И всё-таки, чует моё сердце – кто-то мальчугану помог. Найти бы этого помощника и башку оторвать...

Возле дома Роксаланы Хийси остановился, приняхался, широко раздувая ноздри, с сомнением покачал головой и пошёл дальше.

Восточные ворота были распахнуты, в проёме двое суетливых парней раздевали убитого стражника. Хийси, не глядя, прошёл мимо. Взгляд его был прикован к хорошо видимому отсюда храму Гунгурда. Там тоже что-то горело, жирный дым расплзался невысоко над землёй.

В храме царил разгром, лишь чудесный хрусталь оставался прежним, и в нём неподвижно застыла фигура бойца. Меч во вскинутой деснице излучал ровное сияние, значит, остальные одиннадцать мечей были в руках жрецов и продолжали карать осквернителей храма.

Это, впрочем, меньше всего волновало лесного чародея. Хийси оглядел камень, выдержав наполовину ушедшего в хрусталь золотого червя, движением, ставшим привычным, перекусил его. Затем впился пальцами в ледяную поверхность. Кристалл вспыхнул, засверкал сотней искр, но устоял.

– Пусти! – приказал Хийси.

Высокоучёные маги из университетов Лютеции и Соломоник, знатоки компаративистики и глоттохронологии ведают множество изошрённейших и сложных заклинаний. Не знают они лишь одного: самые действенные и могучие заклинания очень просты. Иногда достаточно сказать: «Да будет свет!», чтобы родилась Вселенная. Важно лишь – кто и как произнесёт эти слова.

Чистый камень помутнел, его прочертили трещины, с неслышным шорохом осыпались исчезающие осколки. Ист сделал по инерции шаг, вздохнул и опустил меч.

– Наигрался? – неласково спросил Хийси.

Ист поник головой, но затем нашёл в себе силы прямо посмотреть в глаза учителю.

– Я должен был это сделать. Роксалану надо было выручать.

– Роксалану?... Это, что ли, та девочка, что кричала в лесу?

– Я просил её позвать тебя.

– Какая же она Роксалана? Её зовут Рита. Чудеса... Уже и людишки начали скрывать настоящее имя. Хотя, пусть её... хорошая девочка, славная. В её душе были страх и любовь и не было обмана. Но будь осторожен. Я нутром чую, что в этом деле замешан кто-то из смертных магов.

– С одним я уже разобрался. – Ист поднял меч на уровень груди.

– Зачем тебе эта железяка? – поморщился Хийси. – Ты же знаешь, от рукодельных побрякушек один вред.

– Она дала мне этот меч, им я должен наказать её обидчиков.

– Валяй, наказывай. А ты подумал о другом: девочка уже сейчас постарше тебя, а как пройдёт лет тридцать, что тогда?

– Учитель, не надо об этом.

– Ладно, не буду. Сейчас есть дела поважнее. Идём.

– Куда?

– Исти, ты начал задавать вопросы? Так не годится.

– Но я ещё не нашёл Роксалану... то есть Риту.

– С ней ничего не случится. Она не нужна никому, кроме тебя. А если тебя сейчас убьют, то и тебе будет не нужна. Ты, мой мальчик, разбудил такие силы, с которыми не стоит связываться неподготовленным. Я ожидал, что ты устроишь нечто подобное, но не в первый же свой выход в мир. Идём.

* * *

Вёсельные ялы дер Наста огибали Голодный мыс, приближаясь к родным берегам. Добыча, взятая в южных краях, была так велика, что кёниг не останавливался, чтобы пощупать даже самые беззащитные селения. Лишь когда на ялах кончился провиант, корабли приставали к земле. Неудивительно, что милые сердцу скалы замаячили на горизонте удивительно скоро.

Голодный мыс недаром носил прожорливое имя. Не всякому мореплавателю удавалось минуть его без урона. Серые зубы камней равно пережёвывали ялы воинственных северян, посланные в отместку галеры южных владык и мирные баркасы рыбаков и охотников на морского зверя.

До Снегарда отсюда было рукой подать, но злые прибои Голодного мыса не позволили бы пристать к берегу даже вертлявому каяку. Чтобы попасть к дому, предстояло обогнуть мыс, высадиться в гавани Маженице, считавшейся владением дер Настов, а потом пять дней возвращаться назад посуху. Но сейчас такое удобное расположение крепости не слишком радовало кёнига. Одолеvalo беспокойство и хотелось поскорей очутиться в родных стенах, принести жертвы Хаймарту и напомнить драчливым соседям, что повелителя мечей следует опасаться, даже когда он в отлучке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.